

Дарья Калинина

Сделай мне счастье

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Калинина

Сделай мне счастье

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Сделай мне счастье / Д. А. Калинина — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-93474-4

Родить вундеркинда? Нет ничего проще, и Ирине об этом известно лучше, чем кому бы то ни было. Всего-то навсего нужно выйти замуж за Германа, а уж когда у твоего суженого такое имя, вся жизнь станет сплошным приключением. До богатства Пиковой дамы Ире со своим Германом еще расти и расти, зато преступлений и роковых тайн в их жизни уже сейчас хоть отбавляй. А вот о том, что все распутать поможет гениальный ребенок, кажется, и сам Пушкин не додумался...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93474-4

© Калинина Д. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Калинина

Сделай мне счастье

1995 год

Двое мужчин в почти одинаковых малиновых пиджаках с удовлетворением оглядывали свое новое приобретение. Что и говорить, пиджаки были шикарные. Комната, где это происходило, считалась самой большой в этой четырехкомнатной квартире. А потолки, украшенные лепниной, достигали такой высоты, что три арочных окна в полтора человеческих роста вовсе не казались огромными.

Дом был старинный, добротный, его в свое время построил какой-то богатый промышленник. И если украшения и декор за минувшие годы несколько поутратились, над толщиной стен и надежностью перекрытий время было не властно.

Теперь все эти двести с лишним квадратных метров в самом сердце города с видом на Казанский и канал Грибоедова принадлежали только им! То есть это должно было произойти в самое ближайшее время. Возможно, уже через несколько минут.

Поэтому-то на физиономиях этой парочки и сияло такое довольное выражение. Казалось, они стали еще больше походить друг на друга. Они и так-то были почти неотличимы.

– Есть где размахнуться, да, Жора?

В голосе слышалось с трудом сдерживаемое ликование.

– Здесь и офис открыть можно. Или самим поселиться. Как ты смотришь на то, чтобы в этой квартире жить?

Второй был настроен более прагматично. Эйфория от удавшейся сделки не так сильно вскружила ему голову.

– Рискованно оставлять квартиру себе. Могут всплыть какие-нибудь родственники.

– Да какие родственники, – стал горячиться первый. – Какие? Мальчишка – круглый сирота, мы же проверяли. У него никого нет.

Раздавшийся из соседней комнаты крик младенца заставил обоих вздрогнуть.

– Он еще здесь? – недовольно спросил тот, что вел себя более деловито и не допускал лишних эмоций. – Распорядись, чтобы его сегодня же забрали.

– Все уже готово, – засуетился собеседник. – Местечко в детском доме зарезервировано. Его ждут. – Помолчав, зачем-то прибавил: – Мальчишке будет там хорошо.

Последняя фраза прозвучала как-то неуверенно. Известно, что даже у негодяев бывает совесть, и сейчас она подавала отчаянные сигналы. Но мужчина изо всех сил старался ее заглушить. Было стыдно показать себя слабаком перед братом.

– Все равно, если не мы, так другие, верно, Федь?

– Конечно, – отозвался тот, чей пиджак казался чуть ярче. – Никто не позволил бы малявке владеть такими хоромами в центре города. Они же миллионы стоят! Зачем сопляку такие деньги? Он и распорядиться-то ими не сумеет. Мы еще по-хорошему с ним поступили, в живых оставили. А другие на нашем месте закопали бы сосунка в лесу, да и вся недолга.

Ребенок продолжал орать, словно понимая, о чем они говорят. Он надрывался плачем, словно был категорически не согласен с этими дядями, которые распорядились его судьбой. Но кто спрашивал его мнения? Он мог орать хоть до вечера, хоть всю жизнь, никому не было дела до его судьбы. Видимо, ребенок это понял, и сердитый крик перешел в жалобное поскуливание, а потом вовсе затих.

– Что это с ним?

– Не знаю, – равнодушно откликнулся второй. – Какая разница? Сейчас придет баба из опеки, она разберется.

– Как ее фамилия?

– Курова, кажись.

– Нет, как-то не так. Слепокурова, вот как. А зовут Галиной.

– Курова – Слепокурова, – проворчал второй. – Плевать мне, как ее зовут. Лишь бы сделала свою часть работу без косяков.

– Сделает. Не мы первые, кто к ней обращается. Никогда нареканий не возникало.

Ребенок снова расплакался. И второй вздохнул:

– Скорей бы уж пришла, что ли, эта Слепокурова.

Словно в ответ на его слова, дверь открылась, и в комнату вошла высокая статная брюнетка. Роскошная в свои тридцать с хвостиком, она явно использовала немало ухищрений, чтобы производить на противоположный пол то впечатление, какое производила в ранней молодости. И надо признать, пока ей это удавалось. Мужчины в малиновых пиджаках замерли, увидев возникшую в дверях красавицу. А та нарочно медлила, стояла, не двигалась, давая возможность себя рассмотреть.

Она и сама разглядывала их, не стесняясь. Похожи, очень похожи, скорее всего, братья. Но один помоложе, и сразу видно, что находится в подчинении у старшего – более сильного альфа-самца. И пиджак у того более интенсивного цвета, и цепь на шее толще, и ростом он выше, и держится куда солиднее. Значит, дело надо иметь со старшим. Ведь именно он принимает решения.

Галина кожей почувствовала, что заинтересовала обоих. Дело было даже не в предстоящей сделке, которую без нее этим двоим вряд ли провернуть. Нет, интерес к ней был сугубо мужским. Но вот что странно, куда более сильно заинтересовался ей именно младший. В его глазах сияло неподдельное восхищение, тогда как старший хотя и поглядывал на нее с интересом, но при этом давал понять, что цену ей знает и платить дороже, чем она стоит, не намерен. У него был взгляд дельца, а не влюбленного. И женщина тут же подумала про себя, что раз так, упускать младшего из вида тоже не стоит. Через него она потом сможет как-то влиять на старшего. Чутьем, которое никогда еще не подводило Галину, она поняла, что с этой парочкой жизнь столкнула ее не случайно. Они почувствовали друг в друге родственные души.

Все произошло именно так, как и рассчитывала Галина. Мужчины пришли в себя от изумления и поспешили к ней. Ребенок продолжал заливаться криком в соседней комнате. Они быстро подписали все бумаги, которые закрепляли права собственности на эту квартиру за братьями Горемыкиными. Галина получила свое вознаграждение – туго набитый конверт. Она знала, сколько именно долларов в нем лежит, и была уверена, что ее не обманут. Резона нет. Это она им нужна, а не наоборот.

На мгновение Галина почувствовала легкие угрызения совести. Но они были такими слабыми, что ей без труда удалось их подавить. На такой случай у нее всегда был наготове аргумент, действующий всякий раз безотказно. Не для себя она старается, а для доченьки – маленькой принцессы. Чтобы ее девочка росла в холе и неге, ни в чем не знала отказа, чтобы каждое ее желание немедленно исполнялось, она и находится здесь. Только ради счастья дочери Галина и живет на свете, только для того и работает, чтобы ее красавице, ее умничке было всегда хорошо.

– Все, мальчики, – весело проговорила она, когда документы были подписаны. – Дело сделано. Квартира ваша, деньги и сопляк мой.

Она достала из сумочки сотовый и позвонила. И хотя телефон был неуклюжий, огромный, с несуразно торчащей антенной, братья покосились на него с уважением. У них-то были всего лишь пейджеры. И они тут же решили немедленно обзавестись трубками, пусть даже они и стоят целое состояние. Это круто. А с приобретением этой квартиры, которую скоро загонят за хорошие бабки, они становятся по-настоящему крутыми.

Когда поднимавшаяся в квартиру еще одна женщина забрала ребенка, братья стали прощаться с Галиной. Расставаться навсегда никому из них не хотелось. Федор первым произнес:

– Будем сотрудничать, да, Галя?

– Обращайтесь, мальчики, – то ли пропела, то ли прощеветала та, стрельнув глазами. – Вы знаете, где меня найти.

Они знали. Галина работала в отделе опеки, и это была далеко не первая сделка, в результате которой она сама обогащалась на солидную сумму, а ее клиенты прирастали еще более солидной недвижимостью. В проигрыше оставался лишь ребенок, судьба которого была незавидна, как судьба всякого сироты, обреченного на воспитание за счет государства.

Вот только не знали эти трое, что судьба – большая шутница. И на этого ребенка у нее свои планы.

Глава 1

После хорошего отдыха сил не остается совершенно. Любой, кто предавался во время отпуска развлечениям на всю катушку, может это подтвердить. Вот и Герман готов был поклясться, что никогда еще не чувствовал себя таким изможденным, как в тот день, когда он переступил порог своей квартиры, оставив позади две недели изматывающих пляжных удовольствий.

– Если бы в этом мире была хоть какая-то справедливость, – простонал он, упав на диван, – то после основных каникул полагались бы еще дополнительные.

А что? Отличная мысль. Дополнительный отпуск, пусть хоть совсем небольшой, чтобы человек мог прийти в себя и снова войти в привычную колею.

– Хотя бы еще недельку! Хоть несколько денечков. Хоть бы один денек!

Но нет, уже завтра Герману предстояло вернуться к своим обычным занятиям, и это портило весь кайф от отдыха на берегу океана. Снова серая рутина! Изо дня в день одно и то же! Нет, нельзя сказать, чтобы Герман совсем уж не любил свою работу. Он ценил ее за то, что за нее хорошо платили: Герман работал в сфере энергетики, и не рядовым сотрудником, а начальником отдела. У него под началом было аж двадцать пять человек, а ведь ему не исполнилось еще и тридцати.

Возможно, кому-то другому такое число подчиненных могло показаться незначительным или даже ничтожным, но Герман чувствовал, что ему этих двадцати пяти с их дрызгами, кляузами, обидами и доносами хватает. Он бы и меньшим числом удовольствовался. Даже хорошо, когда народу меньше, дышится легче.

Для оздоровления атмосферы в отделе Герман время от времени проводил показательные увольнения. После этого остальные утихали, но ненадолго. Кто-то в конце концов срысывался, начинались новые дрызги, и змеиный клубок оживал.

Ситуацию усложняло еще и то, что подчиненные были старожилками, а Герман прислан сверху и был для них чужаком. Задача между тем перед ним была поставлена геркулесова: заставить отдел, порядком распутившийся при прежнем руководстве, работать четко, слаженно и, самое главное, честно. Другими словами, Герману пришлось «закручивать гайки», а такие начальники редко бывают популярны.

В общем, Герман с удовольствием отдыхал бы и два, и три раза в год. А будь возможность, так и вовсе каждый месяц. Или даже каждый день. Вот только удача, которая однажды улыбнулась Герману, дважды за жизнь не случается. А у некоторых не случается вовсе. Ведь роскошный отдых на берегу океана достался Герману абсолютно бесплатно.

Раньше Герман лишь слышал о счастливицах, которые что-то где-то выигрывают. И вдруг сам стал одним из них. Одним из тех, кому посчастливилось выиграть тур на далекий остров. Отдохнуть на полную катушку, не заплатив за это ни копейки.

Вот только возвращаться к рутине после слепящего тропического солнца, небесной лазури и раскаленного белоснежного песка было уж очень тяжело.

– Уволиться, что ли? – простонал Герман.

Но в этот момент послышался звук поворачивающегося ключа, и Герман понял, что вернулась его дражайшая половина вместе с их юным отпрыском. И настроение еще больше упало. Видеть жену и сына он был совсем не рад, но надо было делать вид, будто он жутко счастлив.

– Ты уже дома? – Голос Иры прозвучал холодно и резко. Как раз в тон настроению Германа. – Неужели? – произнесла жена, проходя в квартиру. – Наш папа вернулся? Уже!

Ира бросала слова, словно камни. От каждого Герман съеживался. Не говоря ни слова, он ушел в ванную комнату. Но не успел открыть кран, как в дверь застучали.

– Нам с Ванечкой нужно помыть руки! Эгоист!

– Помойте на кухне.

– Вот сам на кухне и мойся!

В дверь застучали с новой силой. Герман вздохнул, открыл и поплелся на кухню. Ира с Ванечкой появилась там буквально через минуту. Скандальить.

Чтобы отсрочить надвигающуюся бурю, Герман присел на корточки и поманил Ванечку к себе.

– Иди к папе, малец.

– Он тебя и не помнит!

Но Ванечка, радостно улыбаясь еще не вполне зубастым ртом, пошел к папе. Мальчик был хорошенький, словно картинка. Голубые глаза. Светлые кудряшки. И у Германа дрогнуло сердце, когда он подумал, что этот ангелочек – его сын. Хотя что-то хорошее есть в его жизни. Если бы Ванечка был меньше похож на Иру и больше на него, было бы вообще замечательно. Оставалось лишь утешаться тем, что похожие на матерей мальчишки – везунчики.

Как и девочки, похожие на своих отцов, но Герман даже думать боялся, что у них может быть еще один ребенок, пусть даже девочка и точная папина копия, конечно, за исключением одной детальки. Нет, больше детей он с Ириной заводить не хочет. Хватит и одного страдальца, вынужденного ежедневно наблюдать скандалы родителей. Но Ваня – мальчик. Выдержит как-нибудь. А дочку Герман так мучить ни за что не позволит.

И он снова обнял теплое тельце сына, стремясь хоть этой лаской сгладить эффект надвигающейся ссоры.

– Посмотри, что папа тебе привез.

И он протянул ребенку пакетик конфет в ярких фантиках. Шуршащие нарядные бумажки понравились Ване, и он немедленно принялся разворачивать их и изучать. Ира не уходила, наблюдая за ними. Если бы ее взгляд обладал магической силой, наверное, все в кухне заledenело бы и покрылось толстым слоем инея.

– Где ты пропадал целых две недели? – процедила она наконец сквозь зубы.

– В серф-лагере.

– Где?

– Катался с ребятами на серфах.

– На досках? По волнам? Ты же не умеешь!

– Научился.

Герман не хотел ссориться, но Ира была настроена на скандал.

– Ах, так вот чем ты занимался целых две недели! – завопила она. – Теплым морем наслаждался!

– Если точнее, океаном.

Но Ира его не услышала. Она с упоением вопила:

– На две недели отключить телефон! Ни слуху ни духу!

– Я пытался звонить. Ты трубку не брала.

Но Ирина продолжала кричать, не удостоив его реплику вниманием:

– Ты хоть знаешь, что Ванечка был тяжело болен! Да-да! Твой сын попал в больницу! А с тобой было невозможно связаться!

Герман молчал, потому что теперь чувствовал свою вину. Неужели Ира говорит правду и Ванечка болел?

– Мальчик не выглядит больным.

– Теперь, слава богу, да! Но мы с ним лежали в больнице!

– А что случилось?

На этот вопрос Герман ответа не получил. Ира неожиданно резко повернулась и вышла из кухни. Герман остался наедине с сыном, который лишь причмокивал, засовывая в рот одну

конфету за другой. Увлечшись ссорой с женой, Герман не заметил, как Ванечка ловко справился с упаковкой.

Перед тем как начать есть, мальчик разложил конфеты по кучкам, отдельно кругленькие, отдельно продолговатые, отдельно пирамидки. Даже большие от маленьких отделил. Герман невольно удивился. Не рановато ли для карапуза, которому еще и двух не исполнилось? Еще недавно Ванечка путался, пытаясь вложить квадратный кубик в треугольное отверстие. А теперь, посмотрите только, с легкостью сортирует конфеты.

– Похоже, мама с тобой здорово позанималась эти две недели, а?

Но Ване уже наскучила эта игра. И теперь он утрамбовывал конфеты в рот, не заботясь даже о том, чтобы снять с некоторых оставшиеся обертки.

– Эй, ты так подавишься!

Из рта Ванечки текли сладкие слюны, а блаженное выражение мордашки говорило, что волноваться ровным счетом не о чем. Когда Герман убрал подальше кулек с оставшимися конфетами, Ванечка издал протестующий вопль, но тут же понял, что может уронить изо рта конфеты, и замолчал.

Ах, если бы так же легко можно было умиловить мать Ванечки. Но Герман понимал, что конфетами тут не отделаешься. И может статься, не хватит даже всех привезенных подарков, чтобы восстановить мир в семье. Обидевшись, Ирина могла злиться неделями, месяцами и даже годами. Герман обнаружил у нее эту способность уже после свадьбы, и она неприятно поразила его. Сам он был человеком легким и незлопамятным, отходчивым. На работе ему даже приходилось записывать провинности сотрудников, иначе уже на следующий день он их просто забывал.

Ира была не такой. К тому же Герман понимал, что и впрямь здорово накосячил, отправившись к океану не с Ирой и Ванечкой, а со случайными приятелями. Впрочем, он ведь купил Ире и Ванечке и даже Светлане Александровне – матери Иры – тур в Марокко. А ему не хотелось валяться целыми днями на пляже, слушая рассказы Светланы Александровны о ее покойном супруге – Геннадии Викторовиче, человеке с большими достоинствами, с которым Герману никогда не сравниться.

Провести две недели долгожданного отдыха в обществе Светланы Александровны было выше сил Германа. И ладно бы только это. Но в этом году Светлана Александровна планировала прихватить с собой еще и свою подругу, и еще одного человека, о котором, стыдливо опустив глаза, сообщила, что это очень и очень достойный человек.

Было ясно, что предприимчивая вдовушка обрела нового кавалера. И Герман боялся, что, если увидит этого Сергея Павловича, не сдержится и посоветует ему бежать без оглядки. В общем, у Германа тоже были оправдания.

– Пошли к маме.

Герман взял подарки для Иры, которые занимали целую сумку.

Но, к удивлению Германа, жены не оказалось ни в спальне, ни в гостиной, ни в детской.

– Где же она? Может, в гардеробной?

Но и в крохотной шестиметровой клетушке жены тоже не было. Убедившись, что ее в квартире нет, Герман взял Ванечку и спустился во двор. Но Иры не было и здесь. На сердце у него стало как-то тревожно. Куда ушла Ира?

– Здравствуй, Герман, – услышал он высокий старушечий голос.

Голос принадлежал соседке Майе Сергеевне, известной сплетнице, которая славилась тем, что за всю свою жизнь ни разу и никому не принесла ни единой хорошей новости.

Если кто-то заболел, разорился или умирал, Майя Сергеевна была тут как тут с самыми свежими новостями. Но если случалось что-то хорошее, она молчала, словно воды в рот набрав. А если случалось что-то невероятно хорошее, она запиралась у себя в квартире и не высывалась на улицу до тех пор, пока с кем-нибудь не происходила очередная трагедия.

– Ирочку не успел проводить? – пропела Майя Сергеевна, и от звуков ее пронзительного голоса Германа, как обычно, кинуло в жар, а потом в холод. – Уехала женушка.

– Куда уехала?

– Уж не знаю куда, но уехала, – рассмеялась Майя Сергеевна. – Села в машину – и фью-ить! Правильно. Не тебе одному по курортам разгуливать, женушке тоже отдохнуть хочется. Небось не нанималась к тебе за твоим ребенком смотреть.

– С чего вы взяли, что Ира поехала отдыхать?

– А куда же еще? С сумкой-то огромной? Да Ира и сама сказала, что улетает.

– Куда?

– Оглох ты, милый, что ли? Сказано же, на отдых.

– Ничего не понимаю, какой еще отдых? Она ничего об этом не говорила.

– То-то я и смотрю, что ты вроде как не в себе, – охотно подхватила Майя Сергеевна. – Да ты ей позвони, позвони ей, милый.

Герман машинально достал смартфон и набрал номер жены. Но холодный голос автоответчика поставил его в известность, что данный номер временно не обслуживается. Герман еще больше встревожился. Да еще Майя Сергеевна подливала масла в огонь. Она стояла рядом, злорадно улыбалась и приговаривала, что хороших жен ценить надо, пока они рядом, а то потом уже поздно будет.

Возможно, Герману это лишь показалось, но глаза у пожилой женщины светились, словно два язычка адского пламени. Но тут Ванечка, который до того воспринимал происходящее как веселую игру, неожиданно расплакался. И Герман совсем растерялся.

Будь рядом Ира, она бы объяснила, что мальчик просто рассосал все конфеты, сладкое закончилось, и ребенок просто требует добавки единственным доступным ему способом. Но на Германа плач ребенка почему-то подействовал пугающе. В громких воплях Ванечки ему послышалось что-то трагическое, словно ребенок заранее оплакивал свою собственную мать.

– Ира уехала? На отдых? – растерянно пробормотал он. – Как же она могла, ничего мне не сказав? А ребенок? Что будет с ним?

– Сам-то ты много о ребенке думал, когда отдыхать без семьи улетал?

Только тут Герман спохватился, что все еще стоит во дворе рядом с противной Майей Сергеевной, которой совершенно ни к чему знать о неладах в их семейной жизни. И, подхватив громко плачущего Ванечку, Герман снова вернулся домой.

Он тщетно прождал жену до позднего вечера, все еще надеясь, что в итоге случившееся окажется какой-то шуткой. Но время шло, а жена не возвращалась. Телефон ее оставался недоступным. Осмотр ее шкафа и вещей также не дал никакого результата. Герман не мог понять, что именно из вещей жены исчезло. Он обнаружил три купальника, но вроде жена не так давно жаловалась, что поправилась после родов и вынуждена была обновить пляжный гардероб. Или она говорила это о летних брючках? А может, о шляпке?

Герману не удалось найти документы жены. А еще он не нашел ее любимую сумку. Никаких подсказок, куда могла отправиться жена, он не обнаружил.

Тогда, придя в полное отчаяние, он сделал то, на что не отваживался все годы супружества. Он позвонил теще и спросил:

– Вы не знаете, где сейчас Ира?

Теща, словно только этого и ждала, тут же загрохотала в ответ:

– Ты спрашиваешь у меня, где моя дочь? Ты?! Чудовище, которому я вручила самое дорогое, что у меня есть?

– Да, да, это я. И я хочу знать, куда уехала Ира.

Герман чувствовал, как в душе медленно клубится и поднимается раздражение. Так случилось всякий раз, когда ему приходилось общаться со Светланой Александровной. Раздраже-

ние сначала собиралось в маленькие комочки, которые постепенно слипались между собой и принимали вид угрожающей черной тучи.

– Вы знаете, где Ира? Она уехала.

– Это ты должен мне сказать, куда от тебя убежала моя девочка. Что ты с ней сделал?

– Я? Ничего я ей не делал.

Но из трубки уже неслись вопли:

– Негодяй! Садист! Как ты мог оставить жену с ребенком одних!

– А вы на что? И вообще, вы же собирались лететь к морю. Я вам и путевки купил.

Почему вы туда не поехали?

– Почему? Да потому, что Ванечка заболел! Твой сын был так болен, что едва не умер. А тебе и горя мало. Почему мы не полетели? Да потому что боялись потерять ребенка. Вот почему! Негодяй! Черствый эгоист!

Потом в трубке и вовсе послышалась площадная брань, удивившая Германа. Обычно теща, что бы она там ни думала, таких выражений себе не позволяла.

– Если Ирочка ушла от тебя, так тебе и надо! Поделом вору мука!

И Светлана Александровна бросила трубку.

– Вот старая ведьма!

Обернувшись к сыну, Герман убедился, что тот уже совершенно успокоился. Сосет себе какую-то деревяшку и явно доволен. Похоже, деревяшка казалась ему ничуть не хуже, чем заморские конфеты. И Герман не стал отнимать ее у ребенка. Пусть сосет что хочет, лишь бы не плакал!

После разговора с тещей Герман вроде даже успокоился, взял себя в руки и стал обзывать общих друзей и знакомых. Они держались куда дружелюбней тещи, но тоже ничего не могли сказать об исчезновении Ирины.

Герман не знал, что и думать.

– Не может быть, чтобы она никому не сказала о своих планах! Одно из двух: или она никуда не уехала, и они с тещей просто меня пугают. Или... Либо Ирка задумала что-то настолько скверное, что решила никого не ставить в известность.

Герман еще какое-то время подумал, потом посадил Ванечку в манеж и пошел к Майе Сергеевне. Позвонив в ее дверь, он уже открыл было рот, чтобы спросить: «На какой машине уехала моя жена? Вы не помните?» – но вместо этого завопил благим матом.

Шарахнулся, стукнулся головой и локтем о стену, взвыл от боли и беспомощно уставился на покрытое зеленой слизью чудовище с торчащими из головы железками, которое появилось на пороге квартиры соседки.

– Герман, милый, ты чего так разорался? – ласково произнесло чудовище голосом Майи Сергеевны.

– Ч-что это с вами?

– Красоту навожу.

– На ночь глядя?

– Не твое дело! – рассердилась женщина. – Чего тебе надо?

Герман наконец задал вопрос. На какой машине уехала Ира?

– Не знаю, – пожала плечами Майя Сергеевна. – Какая-то белая. Я особо не приглядывалась.

– Такси?

– Нет, шашечек на машине не было.

Будто сейчас такси обязательно с шашечками! Иной раз достаточно просто рекламы на крыше, дверцах или капоте.

– Ничего такого не заметила. Да и машина больно шикарная для такси.

– Такси тоже разные бывают.

Майя Сергеевна нерешительно посмотрела на Германа. А потом произнесла:

– Не хотела тебе говорить, да уж видно придется. Ира не просто в эту машину села. Она водителя хорошо знала.

– Что вы имеете в виду?

– А то и имею! Целовались они!

– Как?!

– Не в губы, врать не стану. Но в щеку она его поцеловала. И он ее чмокнул.

Герман пытался вспомнить, у кого из их знакомых есть шикарная белая машина. Где-то у троих-четверых. А если прибавить тех, с кем Герман долгое время не общался и кто вполне мог за это время поменять машину, получалось и того больше.

– Как выглядел тот мужчина, вы, конечно, тоже не заметили?

– Почему это не заметила? Очень даже хорошо его разглядела. В деталях!

– Опишите мне его?

– Худой. Бородка клинышком. Лицо такое интеллигентное, глаза умные, сразу видно, что образованный. Диплом не ниже университетского.

Герман слушал и поражался выводам, которые соседка делала вот так вот с лету, лишь один раз увидев человека, да и то мельком.

– Может быть, профессор или доктор наук, – продолжала фантазировать женщина.

Герман не выдержал.

– Почему вы так думаете?

– Очки на носу. И сам такой бледный, сразу ясно, что книжный червь, на воздухе совсем не бывает, все время за книжками проводит.

Оставив это утверждение на совести соседки, Герман принялся соображать, кто из знакомых подходит под это описание. Худой. С бородкой. В очках. Вид умный и интеллигентный. Такого человека Герман не знал. Не было таких интеллигентов с бородками в его окружении.

– Что-нибудь еще можете припомнить?

– Собака у него была.

– Какой породы?

– Шпиц. И до чего симпатичненький! Белый, прямо как шарик пушистый. А мордочка острая, словно у лисички. Залаял, когда Ира в машину села, но успокоился быстро.

Таких собак точно ни у кого из их знакомых не было. И Герман даже не мог припомнить, слышал ли он о том, чтобы у кого-то дома жил шпиц. Получается, его жена уехала с совершенно незнакомым человеком, которого сама Ира при этом отлично знает. Выводы, которые из этого напрашивались, сами понимаете, для мужа были неутешительны.

Глава 2

Эта ночь была одной из худших в его жизни. Ванечка плакал, почти не умолкая. Потом начал покашливать. Внимательно приглядевшись к сыну, Герман заметил, что мальчик выглядит каким-то болезненным. К тому же на голове под волосами у ребенка обнаружился шрамик. Откуда он взялся? Вроде перед его отъездом никакого шрамика не было.

– Вот дела! Что же с тобой случилось, приятель? Голова болит?

Но Ванечка лишь вопил благим матом, отказывался есть, не хотел спать. Герман вконец растерялся и сперва даже обрадовался, когда приехала Светлана Александровна. Правда, уже через пять минут он мрачно смеялся. Кому рассказать, жена пропала, зато теща вернулась.

В ответ на недоумевающий взгляд Германа теща произнесла:

– А что? Должна же я присмотреть за своим внуком!

И, шагнув через порог, тут же принялась руководить:

– Дай мне тапки. Где у вас личное полотенце? Покажи, какой шампунь Ванечкин. Где его зубная щетка? Где мыло? Почему вы не используете зубной порошок, который я дала Ире?

– У нее и спросите.

– Не беспокойся, – кивнула головой теща, – спрошу. А тебя спрошу, что ты умудрился наговорить моей дочери, что она от тебя сбежала?

– Хорошо, тогда я вас тоже спрошу, Светлана Александровна, что произошло с Ваней, что вы не смогли поехать отдыхать, как планировали?

– Я уже тебе говорила, он заболел.

При этом теща поспешно отвела глаза, и это заставило Германа продолжить допрос:

– Чем именно?

– Какая разница?

Ответ тещи насторожил Германа еще больше.

– Нет, позвольте, – запротестовал Герман. – Как это – какая разница? Это мой сын. И мне есть разница, чем он болел. Я должен это знать.

– Я тебе не скажу.

– Тогда я позвоню участковому врачу.

– Ах, да звони сколько влезет. Участковый тебе ничем не поможет.

Герман оторопел:

– Как же так? Даже если Ваня угодил в больницу по «Скорой», врач в поликлинике все равно должен об этом знать.

– А вот и нет.

– Почему?

– Мы с Ирой нигде не фиксировали Ванечкину госпитализацию.

– Значит, вы при этом присутствовали?

– Нет, меня там не было. Ира мне потом позвонила.

– Потом – это когда?

– Когда Ванечка уже лежал в больнице.

– Все-таки он лежал в больнице!

– Я же тебе об этом с самого начала сказала. Ничего не скрyla.

– А участковый почему же тогда об этом не знает?

– Почему, почему... Потому что клиника была не государственная. Ясно тебе? Это была частная клиника, и главный врач пообещал, что с Ванечкой все будет в порядке. И даже больше того.

Последняя фраза прозвучала загадочно.

Герман покачал головой.

– А почему Ваня очутился в той клинике? Что с ним вообще случилось?

Ответ тещи прозвучал опять же туманно.

– Ребенку стало плохо.

– И в чем это выражалось?

– Я не знаю. Поговори с Ирой, когда она вернется.

– Но вы же знаете, что случилось с Ваней. У него свежий шрам под волосами. Где он ударился?

– Он не ударялся. Неужели ты думаешь, что моя дочь допустила бы, чтобы Ванечка ударился головой?

– Откуда тогда шрам?

Герману было очень тяжело. Каждое слово из тещи приходилось тянуть клещами. Понятно было, что она не хочет рассказывать всей правды. Но в то же время совсем ничего не сказать тоже не может. И поэтому Светлана Александровна каждое слово обдумывала подолгу, а говорила мало и скупно.

– Шрам у Ванечки после операции, – наконец призналась она.

– Какой еще операции?

– Стоп! – решительно взмахнула рукой теща. – Больше я ничего не знаю! Ира мне сказала, что Ване сделали операцию и что теперь с ним будет все хорошо и даже более того.

– Что это значит? Что Ира сделала с нашим ребенком?

– Откуда я знаю? Надо было за женой следить, а не на досках по океану кататься. Тоже мне серфингист нашелся. У тебя жена! Ребенок! Ты солидный человек!

Но Герман ее уже не слушал.

– В какой клинике Ване делали операцию? – перебил он тещу. – Как она называется?

– Я... я точно не помню. Кажется, что-то связанное с красотой.

– С красотой?

– Ну да. «Личная красота», так, что ли? Нет, вроде бы не так. А, вспомнила! «Красота для всех».

– Ничего не путаете? – удивился Герман. – Это название хирургической клиники?

– Да.

– Адрес знаете?

– Нет.

– И долго они там пробыли?

– Пять дней.

Ничего себе! Вместо того чтобы наслаждаться теплым морем и белым песочком, жена с Ванечкой маялись в больнице. Пусть даже и частной и со странным названием, но все равно жена и ребенок были в больнице. На секунду Герман даже устыдился, что был таким эгоистом.

– Значит, вы их там не навещали? – спросил он.

– Нет. Ира позвонила мне уже потом, когда все было позади и они с Ваней вернулись домой.

– Но все-таки как получилось, что они вообще там оказались?

В ответ теща лишь картинно заломила руки:

– Ах, не мучай меня, Герман! Я тебе уже сказала все, что знаю! Ира запретила мне навещать их с Ванечкой в больнице. Она только попросила, чтобы я сдала путевки, которые ты купил, и, если возможно, вернула часть денег.

Герман молчал. Деньги его сейчас не волновали. Неожиданно ему в голову пришла одна мысль. А чем занималась Ира в той клинике? С кем она там познакомилась? Что, если тот хмырь на белой машине, который не похож ни на кого из знакомых, как раз и появился в ее жизни в тот период? Познакомился с симпатичной одинокой женщиной, да еще оказавшейся в трудной ситуации...

Могло такое быть? Запросто! Когда Герман рассекал на доске океанские просторы, рядом с Ирой нарисовался этот интеллигентный тип с бородкой и в очках, который предложил ей свое мужское плечо, на которое эта дурочка и оперлась.

– Вот где я могу очкастого урода найти!

Передав задыхающегося от слез и кашля Ванечку заботам тещи, Герман ушел в спальню, включил планшет и принялся искать сайт клиники «Красота для всех». Ничего похожего не находилось. Тогда Герман, не вполне доверяя памяти тещи, изменил параметры поиска. Ввел отдельно «красоту», отдельно «для всех», потом ввел «красоту для нас всех», получил немало интересных ссылок, но ни одна не указывала на учреждение, хотя бы отдаленно напоминающее клинику.

Он уже совсем отчаялся, но тут ему пришла в голову еще одна мысль. И Герман набрал «Красота не для всех». Тут же выскочила ссылка с адресом медицинского учреждения. Конечно, это было не совсем то. Оно предлагало комплекс лечебно-оздоровительных мероприятий, направленных на общее улучшение состояния.

Но стоило Герману вчитаться в подробный перечень услуг, как он понял, что главным образом клиника специализируется на косметической подтяжке и полировке кожи лица и любых других областей тела. А также на удалении лишнего жира с живота и ягодиц. Среди персонала клиники имелась парочка врачей, чьей специальностью была пластическая хирургия. Как раз один из этих специалистов – хирург высшей категории – и заинтересовал Германа.

На сайте клиники были выложены фотографии всех сотрудников. Доктор Марк Меерсон заинтересовал Германа еще и потому, что на нем были стильные очки в тонкой золотой оправе, а его длинное, худое и бледное лицо украшала элегантная бородка.

«Уж не этот ли Меерсон мою Ирку увез?»

По описанию похож. Но сказать точно могла лишь Майя Сергеевна, она одна видела таинственного владельца белого шпица и иномарки того же цвета. И Герман, несмотря на поздний час, отправился к соседке. На этот раз она не открывала гораздо дольше. А когда открыла, хотя Герман заранее подготовился к тому, что увидит нечто невообразимое, лишь чудом удержался от крика. Майя Сергеевна уже успела избавиться от металлических пружинки на голове, теперь ее волосы прикрывала шаль, под которой что-то шевелилось. Женщина избавилась и от зеленой слизи, раньше покрывавшей ее лицо, руки и все открытые части тела. Все было бы прекрасно, если бы лицо Майи Сергеевны не приобрело теперь густой темно-фиолетовый оттенок, к тому же потрескалось и явно крошилось.

Герман схватился за косяк.

– Чего тебе еще? – проскрежетала соседка каким-то не своим голосом.

При этом от лица отвалилось несколько темных кусочков, под которыми обнаружилось что-то отвратительно красно-черное, словно гнилое мясо. Майя Сергеевна никогда не нравилась Герману, но выглядела она всегда хорошо. Ей было уже изрядно за пятьдесят, а может, и за шестьдесят, но она тщательно следила за собой. И перемены, которые сейчас наблюдал Герман, иначе как катастрофическими назвать было невозможно. Раньше у Майи Сергеевны было хотя и неприятное, но все же человеческое лицо. А то, что было на его месте сейчас, и лицом-то назвать было нельзя.

Майя Сергеевна сверлила Германа пронзительным взглядом лишенных бровей и ресниц глаз, ужасным взглядом рептилии.

И Герман не столько спросил, сколько пролепетал:

– Вы знаете этого человека? – И сунул соседке планшет с сайтом «Красоты не для всех». – Узнаете?

– Кого я должна тут узнать?

– Того, с кем уехала Ира.

Майя Сергеевна взглянула еще раз, уже гораздо внимательнее.

– Вот этого? – спросила она наконец. – С бородкой? Это он. Очень похож.

Герман едва удержался от ликующего вопля. Он сказал, что завтра поедет в «Красоту не для всех», косметологическую клинику, где есть даже пластические хирурги.

– Наверное, вам это интересно?

И от избытка чувств предложил Майе Сергеевне отправиться вместе с ним. Пусть там попытаются что-нибудь сделать с ее лицом. Авось хотя бы на десять процентов вернут ему человеческий вид. Нельзя же оставлять женщину один на один с ее бедой.

Но Майя Сергеевна предложение отклонила. И, как показалось Герману, даже слегка обиделась. Во всяком случае, дверью она хлопнула слишком громко. И из квартиры вынесло еще несколько темно-фиолетовых кусочков. Лицо Майи Сергеевны крошилось все стремительней.

– Бедная тетка! Как она будет жить с такой физиономией?

Дверь уже закрылась, а Герман все стоял на лестничной клетке. Потом побрел к себе. Ванечка наконец утих. Гордая своей победой теща встретила Германа в прихожей.

– Пить мальчик очень хотел, – объяснила она ему. – Две кружки воды подряд выдул, теперь спит.

Герман заглянул в комнату сына. Тот спокойно спал, правда, настораживающее Германа покашливание продолжалось и во сне.

– Он все еще кашляет.

– Еще бы, наорался, вот связки и подсадил. Не беспокойся, завтра все пройдет.

Теща говорила так уверенно, что Герман успокоился. Сам-то он не разбирался в маленьких детях, потому что, сказать честно, всегда старался уйти на работу еще до того, как Ванечка проснется, а вернуться попозднее, когда до отхода мальчика ко сну оставались считанные часы, а лучше – минуты. Нет, он не болтался по улицам и не сидел в баре. Всегда находились какие-то поручения Ирины, которые надо было выполнить. Вот Герман их и выполнял, растягивая каждое как можно дольше.

– Пожалуй, я тоже пойду спать, – зевнул Герман. – Завтра рано вставать.

– А разве ты куда-то уезжаешь?

– На работу.

О поездке в «Красоту не для всех» Герман почему-то умолчал. Он и сам не мог бы объяснить почему, но какой-то внутренний голос подсказывал, что не стоит ставить тещу в известность обо всех своих намерениях.

На работу следующим утром Герман не пошел. Позвонил и, сказавшись больным, попросил один день за свой счет.

– Не знаю, что со мной, – жалобным голосом врал он. – Голова кружится, ноги подгибаются, тошнит. То ли акклиматизация, то ли вирус какой-то на отдыхе подцепил. Надо бы отлежаться денек.

Разумеется, его заверили, что один день ничего не решает. Если надо, может болеть и дольше, только тогда уж обязательно с больничным листом. Начальство отнеслось к проблемам своего сотрудника с пониманием, и Герман собирался воспользоваться этим на полную катушку.

Дорога до «Красоты не для всех» заняла у него несколько больше времени, чем обещал вчера ночью навигатор. Утром на трассе неожиданно начались ремонтные работы, отчего навигатор тут же радостно взвизгнул:

– Поверните направо, следуйте до следующего перекрестка триста метров, там поверните налево.

Похожие команды навигатор подавал еще трижды, после чего Герман оказался на том же месте, откуда свернул с трассы. Тютелька в тютельку!

Но Герман не сдавался. Он был уверен, что рано или поздно доберется до клиники и сможет прищучить и Марка Меерсона, и супругу. Почему он был так уверен, что неверная супруга и ее кавалер до сих пор сидят на территории клиники, обманутый муж сказать бы не смог. Но был настроен найти и наказать обоих.

– Я ему покажу, как чужую жену увозить. Тоже нашелся любитель легких побед!

Решимость Германа подстегивало еще и то, что, судя по фотографиям, господин Меерсон был далеко не атлетического телосложения. Он был высок, гораздо выше Германа – хотя тот и был крепышом, но рост имел весьма средний. Но худые руки и узкие плечи внушали Герману уверенность в победе над соперником. Нет, такой мозгляк не может оказать серьезного сопротивления, дойди дело до драки. А Герману очень хотелось выместить на ком-нибудь накопившееся раздражение.

Клиника красоты не для всех стояла на территории чудесного старинного парка. Парадная часть парка, по которой шла подъездная дорога к входу в здание клиники, была огорожена кирпичной стеной еще дореволюционной кладки, но тщательно отреставрированной. Разросшиеся деревья надежно скрывали большую часть территории от любопытных глаз. Но и того, что увидел Герман, хватило ему, чтобы понять: лечиться здесь по карману лишь очень обеспеченным людям.

– Вот гады! Набьют карманы за наш счет, а потом наших жен уводят!

Всю дорогу Герман разжигал в себе злость и приехал на место в самом боевом настроении.

– Представляю, чем они там по ночам занимались! Под сенью вековых дубов! На ортопедических матрасах! Срамота!

Герман был ревнив, знал за собой эту черту, но ничего поделать с собой не мог. Прямо с порога он начал скандалить, наорал на приветливую девушку, встретившую его у стойки администратора, послал на три буквы охранника, а в кабинете главврача повел себя просто невообразимо, чего бы в нормальном состоянии никогда бы делать не стал.

– Где этот гад? – орал Герман. – Подайте сюда этого Меерсона! Я ему очки с бородкой в одно место запихну!

На уверения растерянного персонала, что господина Меерсона сегодня на рабочем месте нет, Герман ответил саркастическим смехом.

– Знаю я вас, врачей, вечно вы друг дружку покрываете! Но не на того напали! Я вас выведу на чистую воду! Здесь он! Я в этом уверен!

И он рванул вперед, не разбирая пути. За ним устремилась девушка-администратор, потом один охранник, потом второй, потом к процессии присоединились медсестра, уборщица, а под конец примкнули еще и санитар с пожилым седоусым доктором, по виду званием никак не меньше профессора. Вся эта свита почтительно следовала за Германом, не делая попыток его задержать, и лишь встревоженно жужжала, что господина Меерсона на месте нет.

Но чем скромнее держался персонал, тем увереннее чувствовал себя Герман. Будь он в другом состоянии, ему и самому было бы стыдно, что он так себя ведет. Орет, размахивает руками, грозится. И даже после того, как Германа проводили к нужному кабинету, он не перестал ругаться и кричать. Он попытался выломать дверь. Дергал за ручку и с упоением вопил:

– Там он! Там! Больше ему быть негде!

Надо отдать должное администрации клиники, врачам и прочему персоналу, они всячески старались замять конфуз. Огласки им явно не хотелось, поэтому вместо встречи с нарядом полиции, который живо научил бы Германа уму-разуму, окончательно распоясавшийся бузотер получил ключ от кабинета Меерсона.

– Вот! Откройте дверь и своими глазами убедитесь, что Марка там нет.

В кабинете и впрямь никого не оказалось. Но Герман не желал сдаваться и признавать ошибку. Он бежал кабинет по периметру, обратив внимание на фотографию невероятно

эффектной брюнетки, смотрящей мимо объектива на высокого худощавого мужчину с бородкой. Мужчина и был Марк Меерсон. А вот кто эта женщина с густыми темными волосами, смуглой кожей и фигурой мисс Вселенная?

– Это кто такая?

– Жена. Леночка.

Герман засмутился еще больше. Имея такую жену, стал бы он смотреть налево? Он-то сам – никогда. Но кто знает этого Меерсона? Может, он из породы мужиков, которым всегда мало и которые не пропустят мимо ни одной юбки.

Но когда Герман задал следующий вопрос, голос его звучал уже куда более миролюбиво.

– Как я могу связаться с господином Меерсоном? – спросил он. – Мне необходимо обсудить с ним кое-какие вопросы.

Телефон ему немедленно предоставили. Вообще, все происходящее с Германом носило отпечаток чего-то нереального. Сотрудники «Красоты не для всех» выглядели пришибленными и напуганными. Стоило Герману упомянуть Меерсона, все словно втягивали головы в плечи, как делают черепахи в момент опасности.

Герман понимал, что один он вряд ли мог напугать столько народу. Тем более что коллектив состоял не только из представительниц прекрасного пола. Охранники запросто могли подавить шумное выступление Германа, однако почему-то во всем ему потакали. Почему? Ответа на этот вопрос не находилось, и Герману стало отчего-то не по себе.

Он позвонил Меерсону, и тот, к немалому удивлению, ответил.

– Да, – произнес он хриплым, словно спросонок голосом, – я вас слушаю.

Как только Герман услышал этот голос, утихшая было в груди буря эмоций разыгралась с новой силой.

– Это я тебя слушаю! – заорал он в трубку. – Где моя жена? Куда ты ее дел?

– Кто это говорит?

– Муж Ирины это говорит! Отец Вани. Что ты сделал с моим сыном? Куда увез мою женщину?

– Не понимаю, о чем речь.

– Ах, не понимаешь! Так давай встретимся и потолкуем обо всем по-мужски.

– Не вижу оснований для такой встречи.

– Я хочу знать, где моя жена и что ты сделал с моим сыном.

– Понятия не имею. Со мной ее точно нет.

– Не верю!

– Я нахожусь у себя дома в городе Сестрорецке и не собираюсь сегодня никуда выходить.

Если хотите, приезжайте ко мне сами. Адрес я продиктую.

Он и впрямь продиктовал адрес, чем привел Германа в состояние, близкое к бешенству.

– Где моя Ира, урод!

– Кто это такая? Не понимаю, – валял дурака Меерсон.

– Учти, гад, так легко тебе это дело с рук не сойдет. И тебя, и твою машину видели вчера у нашего дома. Видели, как Ирка садится к тебе в тачку. Видели твою чертову собаку! У меня есть свидетели! Их много!

Герман нарочно приврал о многочисленных свидетелях, чтобы припугнуть противного Меерсона. Но тот оказался не робкого десятка. Во всяком случае, по телефону Меерсон держался молодцом.

– Ах, теперь я наконец понял, с кем имею счастье беседовать. Вы муж Ирины!

Голос Меерсона звучал как-то даже приветливо. Но, как ни странно, это еще больше взбесило Германа.

– Где Ира? Если у вас с ней что-то было, ты мне за все ответишь!

– Оставьте вашу ревность, прошу вас. Да, я подвез вашу уважаемую супругу. Но сделал это из чистой любезности и по ее собственной просьбе.

Герман убавил децибелы в голосе и спросил уже спокойнее:

– Слышь ты, любезный наш! Где моя жена?

– Понятия не имею, где ваша жена. Я подвез ее туда, куда она попросила. И на этом мы с ней простились.

– И куда же ты ее подвез?

– Могу назвать вам улицу и дом. Более точного адреса я не знаю.

– Говори.

– Улица Счастливая, дом пять.

Герман замолчал и недоуменно нахмурил лоб. Вся его злость и бравада мигом пропали, словно их ветром сдуло. Герман был растерян. Адрес был ему хорошо знаком, и теперь Герман пытался понять, что это – совпадение или нет?

На улице Счастливой жила одна его старая знакомая, даже, можно сказать, подруга. Одно время очень близкая, но потом она исчезла из жизни Германа. Больше двух лет назад они расстались по взаимному согласию и с тех пор даже не созванивались, но Герман непостижимым для себя образом все-таки продолжал считать эту женщину своей подругой.

Звали ее Оксаной. И жила она именно в доме номер пять по улице Счастливой. Герман это помнил прекрасно. И дом – пятерочка, и улица Счастливая. Да еще и номер квартиры – тридцать три.

Но вот что интересно, Герман не появлялся ни на этой улице, ни в доме, ни тем более в тридцать третьей квартире уже два года. И вот вдруг выясняется, что Ирина каким-то образом узнала об Оксане, более того, решила навестить к ней. Зачем? Что ей там понадобилось?

Вот так история. Откуда Ирка могла узнать адрес Оксанки?

Конечно, у Германа оставалась еще крохотная надежда, что все это просто совпадение. Допустим, у Ирины на этой улице живет какая-то знакомая, может быть, даже в доме номер пять. Ну и что? Квартир там не меньше сотни. Совсем не обязательно, что Ирина ломанулась именно к Оксане. Хотя проверить все равно не помешает.

Эта мысль понравилась Герману чрезвычайно. Даже на душе потеплело. Но, конечно, он не мог признаться даже самому себе, что весь его энтузиазм вызван тем, что он может вновь увидеть Оксану. А увидеться с ней Герману хотелось. Одно лишь воспоминание о ней сразу настраивало на романтический лад.

Разговор с Меерсоном закончился на куда более мирной ноте, чем начался. Но Герман все равно счел необходимым предупредить врача:

– Если с моей женой что-нибудь случится, отвечать будешь ты!

Логика в этом заявлении, что и говорить, было маловато. Но Герману в его состоянии было не до того. Он шел по следу сбежавшей супруги. И след этот, он чувствовал, с каждой минутой становился все горячее.

Глава 3

Две недели назад между мужчиной и женщиной на веранде одного из первых летних кафе города состоялся важный разговор. Оба держались напряженно, хотя и знали друг друга пропасть лет, привыкли доверять и помогать друг другу. Напряжение возникало оттого, что оба знали, что от результатов этого их разговора зависит очень многое – и их собственное будущее, и будущее еще нескольких человек.

Оба были красивые и темноволосые. Несмотря на некоторую разницу в росте, они были до такой степени похожи, что их часто принимали за брата и сестру. Лишь внимательный взгляд заметил бы различия в форме носа, ушей и разреза глаз. Различия, невозможные для родственников, и эти различия полностью перечеркивали возможность кровного родства между ними.

Но если родства между ними и не было, то связь, установившаяся за долгие годы, была куда более сильная, чем бывают иные родственные связи. А все потому, что их двоих объединяло не только общее прошлое, но и общее будущее.

У них была общая цель. Они хотели отомстить своему обидчику. Хотели отомстить человеку, по вине которого самая светлая пора их жизни оказалась безнадежно испорчена. Человек, отнявший у них детство, должен был понести давно заслуженное наказание. И ради этой цели оба были готовы идти на жертвы.

– Нашел? – спросила женщина.

– Да. Посмотри, вроде бы подходящий.

Мужчина протянул собеседнице айфон, на экране которого была фотография мальчика. На вид малышу было года полтора-два. Женщина, внимательно изучив фотографию, осталась довольна.

– Идеальный кандидат. Лучше, чем можно было ожидать. Все остальное тоже по плану? У него только мать?

– М-м-м... Не совсем.

– В смысле?

– Отец тоже есть.

– Ни фиги себе! – поразилась женщина. – Ты что, нашел пацана из полной семьи? Может, еще и бабушки-дедушки имеются?

– Я не знаю. Наверное, имеются.

– Обалдеть, – сказала женщина. – Это нам не годится. Лучше всего подошел бы вообще сирота, я же тебе говорила.

– Если нужен сирота, искала бы по своим каналам.

– Я не могу. Меня и так уже подозревают. Могла бы, давно бы сама это сделала.

– Тогда бери этого мальчишку. Отец у него чисто номинальный. Бросил мать с ребенком, куда-то уехал. Хлопот от него не будет.

– Да? Ты уверен?

– Уверен. Я достаточно общался с матерью ребенка.

– Что ж, если ты ручаешься...

В голосе женщины слышалось сомнение. Но она уже готова была сдаться. И мужчина поспешил закрепить победу.

– Точно тебе говорю! Мало ты знаешь отцов, которые сбежали от своих детей?

Женщина ничего не ответила. Да и что ей было отвечать? Она сама была дочерью такого отца. Собственно говоря, она даже не могла сказать, что отец ее бросил, поскольку он и не появлялся в ее жизни. Как начал отмечать рождение дочери, пока они с матерью еще были в роддоме, так и отмечал почти полгода. Через полгода папаша несколько просох и предпри-

нял попытку воссоединиться с семьей. И очень удивился дочери, которая уже сидела и даже пыталась ползать. На радостях папочка так преисполнился чувств, что снова ударился в запой. Больше этого человека в их с матерью квартире никогда не бывало.

Взглянув еще раз на фотографию ребенка, женщина отметила, что он просто идеально подходит для их целей. Настолько подходит, что можно забыть даже о том, что у мальчика есть родители. В конце концов жизнь и смерть ходят рядом. Сегодня ты жив, завтра уже нет. Эти мысли заставили женщину вернуться в собственное прошлое.

В тот день мать вернулась из больницы с посеревшим лицом. А когда дочка попыталась узнать, в чем дело, мать лишь покачала головой и отослала ее прочь.

– Иди к себе, принцесса, поиграй.

Комната девочки и впрямь напоминала покои сказочной принцессы. Огромная кровать в форме сердца была застелена пушистым розовым покрывалом. Оно было таким мягким, что на нем хотелось нежиться целый день. Лежать и наблюдать, как кружевной балдахин красивыми складками ниспадает вниз. На всех окнах были чудесные шелковые шторы, обои, словно во дворце, с золотыми узорами. Великолепная резная мебель, выписанная мамочкой из Франции, комодик, трюмо с зеркалом, огромный шкаф, в котором с трудом помещались наряды маленькой королевны.

Комната была буквально забита игрушками. Тут были и дорогие американские и английские куклы, и домики для них, машины, карета, запряженная четверкой лошадей, которые могли двигаться и катать принцессу. Любая девочка, окажись она в этой сказочной комнате, умерла бы от восторга.

Но сегодня маленькой принцессе совсем не хотелось играть со своими игрушками. Она чувствовала, что происходит нечто крайне важное. И ей хотелось знать, что именно. Поэтому она не пошла к себе, а затаилась неподалеку от маминой спальни, спряталась в стенном шкафу. Она слышала, как мама кому-то звонит и просит его приехать. Не прошло и часа, как в квартиру вошел высокий мужчина.

Девочка знала этого мужчину, она звала его дядя Федор. Он частенько навещал маму. Приезжал к ним в гости и его брат – дядя Жора, но тот бывал гораздо реже. И его мама принимала с куда меньшими почестями. А вот перед дядей Федором мама заискивала. И девочке это совсем не нравилось.

– Он противный, – твердила она маме. – Брось его. Не хочу, чтобы он к нам приходил.

Но та шикала на нее:

– Молчи! Федор надежный. Если со мной что-нибудь случится, кто позаботится о тебе? Только он!

– А что с тобой может случиться? – тревожилась девочка, пытаясь заглянуть матери в глаза. – Скажи мне, что?

Но та лишь отводила взгляд и уклончиво отвечала:

– Мало ли.

– Ты всегда будешь со мной.

– Я тоже этого хочу, – обнимала ее мать. – Больше всего на свете! Все, что я делаю, все это только для тебя! Ради тебя я живу, ради тебя я... Ах, если бы ты только могла знать, сколько всякого я натворила, чтобы у тебя была эта комната, эти игрушки, чтобы ты жила и ни в чем не нуждалась, моя маленькая принцесса.

В любви матери девочка не сомневалась. У нее была самая чудесная и добрая мама на свете. И жизнь тоже была чудесная. Девочка ни в чем не знала отказа. Вот если бы противный дядя Федор и его брат перестали появляться у них дома, было бы совсем прекрасно. Но...

После того визита в больницу мама все чаще стала отсутствовать дома. Выглядела она все хуже. Все чаще плакала. А дядя Федя, наоборот, зачастил. Девочка чувствовала исходящую от этого человека угрозу. В чем эта угроза состоит, девочка не понимала до того дня, когда, вер-

нувшись домой с кладбища, где они навсегда оставили маму, придавленную к земле тяжелым гранитным памятником, она услышала от дяди Федора:

- Собирайся. Ты уезжаешь.
- Куда?
- Теперь ты будешь жить в другом месте.
- Но мы с мамой живем здесь.
- Твоя мать умерла. Забыла?
- Это мой дом.
- Ты теперь будешь жить там, где я тебе скажу.

И девочка оказалась в доме, где помимо нее жили и другие дети. Всех объединяло одно: все они потеряли родителей. И если некоторые дети своих родителей еще помнили, отчего было лишь больней, то другие папу с мамой не помнили вовсе. Мальчик, с которым она подружилась, тоже не помнил. Да, мальчик, и что с того? Дружить с мальчишкой оказалось даже лучше, чем с девочкой. Он не пищал, не капризничал, не обижался. Смотрел в рот своей подруги, ловя каждое слово. Так в жизни бывшей принцессы появился друг.

Женщина снова перевела взгляд на фотографию. Но ребенка самого она сейчас как будто не видела. А видела лишь то, что с его помощью она сможет отомстить тому человеку! Дяде Феде. Врагу ее мамы и ее самой. Наказать того, кто обобрал ее до нитки. Кто изуродовал ее жизнь. Она докажет ему, что она вовсе не такое ничтожество, каким он ее считал и каким казалась ему ее мать. Жгучее желание увидеть своего врага растоптанным пересилило в женщине ее обычное благоразумие.

- Хорошо! – выпалила она. – Мальчишка годится! Работаем.

Ее собеседник повеселел. В их союзе роль вожака всегда играла его подруга. Как возникла между ними эта зависимость почти тридцать лет назад, в момент первой встречи, так и продолжалось до сих пор. Она принимала решения, он подчинялся. И это устраивало обоих, потому что помогало достичь цели, ради которой они и жили.

Улица Счастливая порадовала Германа цветущими яблонями. Нигде в городе деревья еще не цвели, даже вишни еще только робко распускали первые бутоны, а здесь, пожалуйста, яблони уже раскрыли свои нежно-розовые цветки. Герман прекрасно помнил эти старые деревья, в мае усыпанные цветами, а в августе пестреющие мелкими желто-красными плодами.

Это были райские яблони с мелкими, кисло-горькими на вкус плодами. Но Оксана уверяла, что из них получается божественное варенье. Она действительно собирала плоды с веток, которые буквально стучались в окна ее квартиры. Вот только попробовать это варенье Герману так и не довелось. Как ему теперь вспоминалось, их роман с Оксаной прервался еще до того, как первая банка варенья из райских яблочек была готова. А буквально через несколько дней Герман познакомился со своей будущей женой.

Но сейчас, оказавшись у дома, где жила любимая девушка, Герман неожиданно почувствовал грусть. Атмосфера, которую создавали эти деревья, качающиеся одним сплошным бело-розовым маревом и источающие дивный аромат, нагретые солнцем стены домов, вся эта улица, залитая светом, – все это манило и притягивало к себе. Сколько помнил себя Герман, в каком бы состоянии он ни выходил из метро, на улице Счастливой он неизменно попадал под действие ее ауры.

Телефонный звонок прервал сентиментальные мысли Германа. Он взглянул на экран мобильного и тяжело вздохнул. Звонила теща, а ее звонок не предвещал ничего хорошего. У Светланы Александровны не было привычки звонить зятю, чтобы просто поболтать или поздравить с праздником. Зато, если возникала какая-то проблема, теща немедленно хваталась за трубку.

- Ванечка все еще кашляет.

– Да, я слышал, как он ночью кхекал.

– Ночью! Ночью – это ерунда. Теперь он кашляет без передышки. Послушай!

Теща отставила трубку, и Герман услышал надсадный детский кашель.

– Вызывайте врача.

– Вызвала. Но я и так знаю, что они предложат госпитализацию. А я не могу ложиться в больницу с Ванечкой. У меня дела.

– Да, я помню, у вас Сергей Павлович.

– Ты нашел Иру?

– Ищу.

– Лучше ищи, – посоветовала ему теща. – А то следующую ночь будешь возиться с Ванечкой сам.

Звонок тещи подстегнул Германа. Оставив сентиментальные воспоминания, он резво потрусил к дому номер пять. И лишь набрав номер тридцать три, задумался. А живет ли еще здесь его Оксана?

Оказалось, живет. Более того, она совсем не удивилась, когда услышала его голос.

– Я тебя ждала. Проходи.

Ждала?

Кодовый замок щелкнул, и Герман вошел в подъезд. Оксана стояла на пороге, встречая его.

За два года она не сильно изменилась, но как будто еще больше похорошела. Хотя, будь на месте Германа строгий критик, он бы нашел, что ноги у Оксаны полноваты, талия широковата, а сама она простовата. Но Герману эти недостатки казались достоинствами. Оксана была прочной, надежной, рядом с ней ему всегда было легко и спокойно.

– Явился, блудный муженек, – хмыкнула она и дружески чмокнула Германа в щеку.

В этом поцелуе не было даже намека на былую страсть. Точно так же Оксана поцеловала бы брата или отца. Но то, что она назвала Германа блудным муженьком, не удивилась его приходу и явно подтрунивала над ним, говорило о многом.

– Ирина у тебя?

– Ночевала, – кивнула Оксана.

Горячая волна облегчения затопила Германа. Он все-таки нашел свою Иришку! Пусть для этого пришлось поставить на уши весь персонал «Красоты не для всех», он об этом не жалеет.

Жалел Герман о другом.

– Ты говоришь, Ира у тебя только переночевала?

– Ага.

– А теперь она где?

– Ушла.

– Куда?! – взвыл разочарованный Герман. – Куда ушла? Она тебе сказала?

Герман снова слишком громко кричал. Его голос гулко разносился по лестничной клетке, что совсем не понравилось Оксане.

– Слушай, зайди-ка ты лучше в дом, – сухо велела она. – А когда Герман перешагнул порог, укоризненно сказала: – А ты ничуть не изменился. По-прежнему готов драть глотку по любому поводу.

– Где Ирина?

– Я же уже сказала, ушла. И я не имею понятия, куда она отправилась.

– Как она вообще на тебя вышла? Как узнала, что у нас... что мы с тобой...

Герман смутился. А Оксана, казалось, наслаждалась его беспомощными попытками подобрать правильные слова для их былых отношений. Но долго мучить кого-либо было не в

характере Оксаны. А потому уже через несколько секунд она смилостивилась над Германом и сказала:

– Ира ни о чем таком не знает. А ко мне пришла, потому что мы с ней подруги.

– Подруги? Вы?

– Именно так.

– Но я понятия не имел, что вы вообще друг с другом знакомы.

– А зачем тебе было об этом знать? Скажи, ты многих своих школьных друзей с женой знакомил?

Герман молчал. Нет, не многих. Точнее, вообще никого.

– То-то и оно, – кивнула Оксана. – Вот и мы с Иришкой, как институт окончили, так и не виделись, почитай, лет пять. Иногда перезванивались, о мужиках своих рассказывали. Конечно, когда Иришка сказала, что замуж вышла и что мужа зовут Германом, мелькнуло у меня смутное подозрение. Стала я Иришку потихоньку расспрашивать, на фотки ваши «ВКонтакте» посмотрела. И поняла, что к чему.

– Как такое может быть? Чтобы ты и она... И вы со мной обе...

Но Оксана, казалось, ничего странного в этом совпадении не находила.

– Мы с тобой где познакомились?

– На работе. Будто ты сама этого не помнишь.

– А с Ирой ты где познакомился?

– Тоже на работе.

– А на чье место Ира к вам пришла?

– На твое. Ты тогда ни с того ни с сего уволилась, а ее наняли вместо тебя. – И уставившись на подругу, Герман протянул: – Кажется, теперь понял. Ты перед уходом сосватала кадровичке свою подружку, да?

– Ира искала работу, а я все равно уходила.

– Кстати, почему? Я так этого и не понял.

– Потому что тяжело было тебя каждый день видеть, – спокойно сказала Оксана. – После того, что между нами было и так внезапно закончилось, я не могла и не хотела тебя видеть. Слишком больно было.

Герман смутился:

– Я и понятия не имел, что причинил тебе боль. Мне казалось, ты спокойно отнеслась к нашему разрыву.

– А что я должна была делать? Биться в истерике? Пытаться тебя удержать?

– Что-то в этом роде. Ирина бы уж точно себе в таком удовольствии не отказала.

– Нет уж, – сказала Оксана. – Как решил, так решил. Навязываться я не хотела.

– Прости меня, – пробормотал Герман.

– Чего там, дело прошлое. Я и не сержусь. Наверное, у тебя были причины.

Герман молчал.

А Оксана продолжила как ни в чем не бывало:

– Вот я и подумала: раз все равно увольняюсь, почему бы не помочь Ирке? Подсоблю подружке с работой. Конечно, я и не подозревала, что помогу ей еще и в организации личной жизни. Кто же мог подумать, что у нас с Ирой окажутся схожие вкусы и мы обе западем на одного и того же мужика.

– Но Ирине ты о нас с тобой ничего не говорила?

– Зачем? Какой смысл? Если уж ей не насплетничали обо мне на работе, что мне зря былое ворошить? И ей неприятно будет, и мне. О тебе вообще молчу.

Герман посмотрел на Оксану с благодарностью. Вот она какая! Но тут же ему в голову пришла новая мысль, и он со страхом выпалил:

– Но этой-то ночью вы наверняка обо всем переговорили?

Он с волнением ждал ответа. От него зависело очень многое, в частности, как долго ему придется разыскивать сбежавшую жену. Если Ирина узнала, что у мужа с ее приятельницей были отношения, пусть даже и давно, еще до появления самой Ирины в жизни Германа, – все, обида будет долгой, и прощение придется вымаливать не один день. Да еще фиг Ирку найдешь, если она обиделась.

– Нет, не говорили, – успокоила его Оксана. – Иришка все больше о докторе переживала. Зря, мол, она ему доверилась и ребенка своего доверила.

Герман мигом насторожился.

– Ты говоришь о Марке Меерсоне?

– Это кто еще такой?

– Доктор.

– Никогда не слышала этого имени.

Удивление Оксаны казалось искренним.

– Иришка другое имя называла – Геннадий Владимирович Почтарев.

– Случайно не в клинике «Красота не для всех» работает?

– Где работает, я не знаю. Только замуж он Иришку уже звал. И Ванечку вашего усыновить обещался.

Ничего себе! Сколько разных событий произошло за эти две недели, что его не было. Каков размах! Герман даже позавидовал жене. Сам-то он провел отпуск по сравнению с Ириной совсем убого. Даже жалкого курортного романчика не завел, если не считать поцелуя, которым его в первый же вечер наградила пьяненькая Надин – подружка одного из ребят из их лагеря. Основательно так к нему присосалась, а потом и вовсе разошлась, в штаны к нему даже пыталась залезть. Прямо на глазах у всех! Герману потом перед Олегом, ее парнем, было неудобно. Но тот ничего, в драку не полез. Отцепил свою милую и в палатку поволок. Видать, не первый раз у них уже такое, привык человек. Еще и Германа попросил помочь, уж больно активно Надин от Олега отбивалась и Германа все время требовала.

Но что поцелуй, если жену Германа в это время уже и замуж позвали! Наверное, не просто так. Причем, что интересно, один звал Ирину замуж, другой на машине катал, а третий, глядишь, еще чего предлагал, о чем Герман до сих пор ничего не знает. А он-то думал, что Иркина верность – это нечто само собой разумеющееся, прилагающееся к штампу в паспорте.

– И что этот Почтарев?

– С собой хорош, – кивнула Оксана. – Прости, если тебе неприятно это слышать, но слова из песни не выкинешь. Когда Иринка мне этого своего Почтарева показала, я сперва даже не поверила, что такие красивые мужики встречаются. Думала, фотошоп. Но Иришка сказала, что он такой и в жизни.

– Значит, красавчик, да?

– Брюнет, – с жаром принялась описывать Оксана. – Выше Иришки почти на целую голову. В плечах широк, в бедрах узок. Смуглый, глаза с чертовщинкой, ему бы серьгу в ухо – был бы вылитый пират Питер Блад.

Вообще-то Ирина всегда утверждала, что в мужчинах ее прежде всего привлекает надежность, потом ум, затем шли эрудиция и умение вовремя эти ум и эрудицию продемонстрировать. Дальше следовали еще какие-то качества, и уже в самом конце значилась красота. От себя Герман еще мог добавить, что Ирина далеко не на последнее место ставила материальное положение потенциального кандидата. Но красота вообще и внешние данные жена если и упоминала, то где-то в самом хвосте списка.

И вдруг разворот на сто восемьдесят градусов.

– Ты что, этого Почтарева видела? Ира тебя с ним знакомила?

– Фотки у нее в телефоне были.

Уже и нафотографироваться успели. Впрочем, что удивляться, если дело к свадьбе шло.

– А почему Ирке со мной-то не жилось? – задал он риторический вопрос. – Зачем ей этот Почтарев понадобился?

– Сам не догадываешься?

– Нет.

– А о Надюше тоже забыл?

– Какая еще Надюша?

– Та, с которой ты на берегу океана амуры крутил.

Так это она о той малолетке, что присосалась к нему, словно голодный клещ после долгой зимовки. Но откуда она узнала?

Герман бросился все отрицать:

– Не было у нас с ней ничего!

Оксана хмыкнула:

– Мне-то можешь не заливать, видела я ваши фотки. Мы с Ирккой долго сидели, прошлое вспоминали. Три бутылки красненького уговорили. Вот после третьей она и разоткровенничалась. Тебя ругать стала, об измене твоей всплакнула, дальше она фотографии показала.

– Какие фотографии?

– Да уж такие. Вы там с этой девчонкой основательно сплелись. И не стыдно вам, что за столом полно народу? А еще фон такой романтичный: океан, фонарики, пальмы. Думаешь, Иришке не обидно было все это видеть? А когда видео открыла, где вы в палатке кувыркатесь, ей вообще башню снесло. Она мне сама признавалась.

В палатке Герман точно ни с кем не кувыркался. Откуда Ирка все это взяла? И откуда узнала о Надин?

– Да как же она могла это увидеть?

– Фотографии ей прислали. И видео.

– Кто прислал?

– Наверное, кто-то из тех, с кем ты в лагере был. Снял и твоей жене прислал.

– Но зачем? – поразился Герман.

Оксана вздохнула:

– Извращенцев и просто сволочей на свете видимо-невидимо. Для таких сделать гадость – сердцу радость. Неспроста поговорка придумана.

– Но я ничем таким ни с Надей, ни с кем-то другим там не занимался. Веришь? Я Иришке верен был все это время.

– А она иначе подумала. А тут еще с ребенком беда случилась.

– С Ваней? А с ним что?

– Не знаешь?

– Не знаю. Хоть ты скажи!

– Заболел он. Температура поднялась. Плачет. Время позднее, Иришка «Скорую» вызвала. Вот и приехал этот Почтарев. Сразу же определил, что у ребенка опасная инфекция, такие в обычных больницах не лечат. В инфекционное надо. Только в инфекционное, как попадешь, не скоро оттуда выберешься. Я лежала, знаю. Это правда. Одни анализы назначат, вторые, третьи. Пока все круги не пройдешь, нипочем не отпустят. А уж если что-то обнаружат, вообще все, считай, что в карантине. Да и контингент там соответствующий, сплошь бомжи и бродяги.

– В детской больнице?

– Думаешь, у бомжей детей не бывает? Такие же, как они, только маленькие. Бомжам тоже размножаться небось охота. А Почтарев этот на Иришку сразу глаз положил. И комплиментов ей наговорил. Хотя Иришке не до комплиментов особо было, за ребенка волновалась, но все равно заметила, что врач на нее запал. Приятно ей было, особенно после твоей выходки.

– Да не было никакой выходки!

– Мне-то все равно, сами с Иркой разберетесь. А я тебе рассказываю, что мне Ира говорила. Словом, Иришка согласилась поехать с этим Почtareвым и сначала очень довольна была, потому что привезли их с Ванечкой в необычную больницу. Представь, там даже бассейн был! Правда, маленький, всего двадцать пять метров, зато с водяными горками и фонтанчиками. А в номере у них даже джакузи имелось.

Герман слушал и не знал, верить или нет.

– Ты не о джакузи рассказывай, а о Ване.

– Ване в больнице быстро полегчало. Уже на следующий день температура спала. Только когда ему процедуры делали, ребенок головой ударился, пришлось даже швы накладывать. И крови много было. Хорошо, что Ирка этого не видела, а то она бы еще пуще разволновалась. А так ей уже чистенького Ванечку принесли, только шрамик небольшой. Но он под волосами, и совсем даже не заметно.

– Безумие какое-то.

– Безумие – молодую жену одну так надолго оставлять! – встала на защиту подруги Оксана. – А еще безумие – на жену все домашние дела перекладывать!

Герман мог бы возразить, что жену он оставил не одну, а с ее драгоценной мамочкой, подругой и ее новым кавалером, то есть с людьми самыми что ни на есть близкими. И насчет домашнего хозяйства у Германа тоже было свое мнение. Он добытчик! Он приносит в дом мамонта. А уж забота супруги – этого мамонта освежевать, приготовить, а потом кастрюли после этого помыть и насухо вытереть.

Вот Оксана никогда его домашними обязанностями не грузила. Правда, ей он и сам всегда был рад помочь. Как-то это легко и естественно у них получалось, а с Ирккой всякое дело выходило как из-под палки.

Но ничего этого Герман говорить не стал, а вместо этого сказал:

– Рассказывай, что там у Иришки с этим Почtareвым. Любовники они? Ирина от тебя к Почtareву покатила?

– Может быть. Даже наверное. Хотя они и повздорились, но милые бранятся – только тешатся.

– Адрес его знаешь? Телефон? Хоть что-нибудь?

Но Оксана помотала головой. Герман тоже что-то не мог припомнить, чтобы на сайте «Красоты не для всех» видел фамилию Почtareв. Врачей там было всего несколько, мужчин только трое, и никакого Почtareва среди них не было. И все же Герман был уверен, что его жену с сыном доставили именно в «Красоту не для всех». Пока он носился по зданию, он успел заглянуть в некоторые палаты и поразился тамошним интерьером. Ванне с джакузи там тоже имелись.

И все же Герман совершенно не мог взять в толк, как косметологическая клиника решилась взять на себя смелость и принять больного малыша с подозрением на опасную инфекцию. Пусть даже подозрения не подтвердились, Ванечка быстро пошел на поправку, все равно, как медики из «Красоты не для всех», которых он видел сегодня и которые производили впечатление людей адекватных, не побоялись пустить к себе на территорию заразного пациента? Ванечку!

Ведь он мог заразить всех их випов! Куда бы они потом пошли всем своим дружным коллективом – в тюрьму?

Когда Герман уже выходил от Оксаны, снова позвонила теща. Голос ее звучал неподдельно тревожно.

– Ванечка совсем задыхается. Кашляет и кашляет.

– Температуру мерили?

– Разве с этими вашими электронными градусниками что поймешь! Тридцать пять показывает! Куда дели ртутный, который я вам привезла?

Герман вспомнил, что теща и впрямь привозила термометр, но Ирина его спрятала, сказав, что градусник может разбиться, ртуть окажется на полу и все они отравятся и либо умрут в страшных мучениях, либо получают такие осложнения, что до конца дней уже не оправятся.

Сам Герман, сколько себя помнил, пользовался ртутным термометром и даже несколько раз разбивал его, и ртуть они потом с мамой осторожно собирали на бумажку – и ничего, жив остался. Но Ирину, если уж она вобьет себе что-то в голову, сам черт ее не переубедит. Ртутный градусник она куда-то убрала, и вот теперь как измеришь температуру у Ванечки?

– Сил моих нет слушать, как он кашляет! Это может быть дифтерит! Или коклюш! А может, и скарлатина. Ребенок привит от этих болезней?

– Я не знаю.

– Приезжай сейчас же!

Герман понимал, что от его приезда сыну легче не станет, но послушался. Из-за своей черствости он уже почти потерял жену, не хватало еще потерять сына. Герман очень торопился, в душе надеясь, что к его приезду Ванечка уже будет здоров. Но когда он переступил порог, Ванечка все еще кашлял. И сильно.

Герман пощупал его лоб. Лоб был обычный, теплый. Если бы не непрерывный кашель, ничто не указывало бы, что Ванечка болен. Мальчик сидел на полу, возился с машинками и кхекал. Герман заметил, что все машинки у Ванечки выстроились строго по размеру – от самой маленькой до самой большой. Время от времени кашель усиливался, создавалось впечатление, что ребенок тщетно силится что-то выплюнуть.

– И поесть толком не поел. Каждый глоток – кашель.

– Приятель, открой-ка рот.

Ванечка раздвинул челюсти, и Герман заглянул внутрь. Горло было в меру розовым, ничего необычного там не наблюдалось. На всякий случай Герман встал перед зеркалом и широко разинул собственную пасть, изучая собственную гортань. У него ткани были даже более красными, чем у Ванечки. Герман покашлял, и ему показалось, что горло у него тоже начинает побаливать.

– Давай снова открывай рот.

На этот раз Герману показалось, что в горле у Ванечки что-то виднеется. Какая-то палочка или проволока.

– Там что-то есть. Как бы до этого дотянуться?

И Герман отправился за пинцетом. Обычным косметическим пинцетом достать до этой штуки не удалось. Поразмыслив, Герман вспомнил, что в его рыболовных принадлежностях есть длинный медицинский пинцет. Возможно, инструмент назывался как-то иначе, но предназначен он был для того, чтобы вытаскивать из горла щуки или другой зубастой рыбы застрявший там крючок.

Герману казалось, что он отлично придумал. Но теща, увидев, как он подступает к Ванечке с пинцетом в руке, завопила благим матом:

– Ты что удумал? В горло ребенку ржавой железкой лезть? Совсем ополоумел?

Она схватила Ванечку на руки.

– Пустите.

– Не дам! У него же там воспаление! А если ты еще инфекцию занесешь? Ржавое железо – так и до столбняка недолго.

Герман наступал, не выпуская из рук пинцет. Теща голосила. Ванечка орал, не зная, плакать ему или смеяться. Но, как водится, когда веселье достигло апогея, им помешали. В разгар схватки в дверь несколько раз сильно позвонили.

– Врачи приехали!

Врачи оглядели Германа, застывшего со ржавым пинцетом в руках, покрасневшую Светлану Александровну, которая все еще прижимала к своей мощной груди кашляющего Ванечку, и кивнули:

– Собирайтесь!

В больницу поехал Герман. Теща осталась караулить возвращение Ирины. В машине Герман попытался выяснить у врача, возможно ли, чтобы ребенка с подозрением на инфекционное заболевание увезли не в специализированную больницу, а в косметологический центр, больше напоминающий санаторий. Врач посмотрел на него как на сумасшедшего и категорически отверг такую возможность.

Что же, Герман и сам так думал.

Он стал расспрашивать дальше. Его интересовало, как найти Почtareва. Есть какая-то общая база, в которой числятся все врачи, работающие на «Скорых»? Оказалось, что общей базы нет. Разные бригады могли быть приписаны к разным станциям, имелись свои машины реанимации и у всех крупных госпиталей, больниц и поликлиник.

– Могу дать вам телефон нашего отдела кадров. Может, там чего и подскажут.

Но Герман отказался. Он уже надумал, что будет делать, когда вопрос с Ванечкой решится. Он поедет к этому гаду Меерсону и вытрясет из очкастого вруна всю правду. Ясно, что Меерсон знаком с Почtareвым, иначе Ванечку никогда бы не согласились принять в «Красоте не для всех». А если приняли, значит, Меерсон пошел против правил.

Вот и пусть ответит, где сейчас Ирина.

В больнице имени Рауфуса врач в приемном отделении потратил на Ванечку совсем немного времени. Едва заглянув мальчику в горло, он хмыкнул и взял в руки пинцет – родного брата того ржавого инструмента, который пыталась отнять у Германа его теща.

– Ну-ка, посмотрим, что у тебя там. Посмотри на потолок, видишь попугая? Зеленого такого? А перья в хвосте какие яркие!

И пока Ванечка с разинутым от удивления ртом пытался рассмотреть на потолке несуществующую птицу, врач ловко полез к нему в горло и уже через секунду воскликнул:

– Оп-ля! Готово!

Герман с удивлением смотрел на то, что он принял за нитку или кусок проволоки. Это была тонкая щепка, заноза, которая издавала казалась тоньше, чем на самом деле.

– Как это оказалось у него в горле? – изумленно пробормотал Герман.

– Это еще что! – весело воскликнул врач. – Видели бы вы, что иногда из детей приходится извлекать. От бабушкиного серебряного половника до папиного комплекта шахмат. Причем ладно бы одну-две пешки, но случалось, что и все тридцать две фигуры находились внутри проказника. Сосал он у вас какие-нибудь деревяшки?

– Было дело, – признался Герман.

– Пожалуйста! Заноза и застряла.

Едва из горла извлекли занозу, Ванечка почти сразу перестал кашлять. Он заметно повеселел, хотя и раньше грустным не был.

– Так я могу его забирать?

– Забирайте, – великодушно разрешил врач. – Все в порядке с вашим сыном.

Но у Германа оставался еще вопрос.

– Скажите, а вы могли бы посмотреть шрамик у него на лбу? Дело в том, что я уезжал, ребенок оставался с... няней. А теперь я вижу, что у него появился шрам. Но няня удрала, и мы не можем понять, что это была за травма.

– Хм, посмотрим, что здесь у нас.

Подняв волосы на лбу у Вани, врач осмотрел шовчик.

– Что я могу сказать? Шов наложен профессионально. Еще и лазером здесь шлифовали. Что странно: шов совсем свежий, ему от силы дней десять, но следов ушиба или другой травмы

я не вижу. Конечно, могло быть и такое, что ребенок просто порезался. Если хотите, оставьте его у нас. Мы проведем обследование и дадим заключение. – Видя, что Герман колеблется, врач добавил: – Будь это какое другое место, я бы вас отпустил, не раздумывая. Но это голова, а с ней все-таки шутки плохи.

Нельзя сказать, что Герману хотелось оставлять Ванечку в больнице. Но какой у него выход? Теща прямо заявила, что ее друг не выдержит второй ночи в разлуке, и она не намерена приносить свое женское счастье в жертву.

– Если до вечера ты не приведешь Ирину домой, будешь сидеть с Ванечкой сам. И плевать мне, что ты работаешь. Посидишь пару деньков, авось оценишь мою дочь по достоинству.

Так что, оставляя Ванечку в больнице, Герман испытывал двойные чувства. С одной стороны, жалко ребенка, но с другой – руки-то теперь у Германа развязаны. Он может целиком посвятить себя поискам Ирины.

Почему Герман решил, что Меерсон знает Почтарева? Не верил он, что больного ребенка могла принять у себя косметологическая клиника. Разве только по очень большому благу. Значит, Почтарев должен быть не просто знакомым Меерсона, а очень близким другом.

Вот пусть теперь и отдувается за своего приятеля.

Если бы Герман только знал, какими неприятностями обернется это решение, он бы и шагу не сделал в сторону Меерсона. Больше того, обошел бы этого господина за сто километров. Увы, Герман не обладал даром провидца и потому двинулся в сторону дивного зеленого городка Сестрорецка, где проживал господин Меерсон.

Ехать пришлось на общественном транспорте, потому что его машина осталась возле дома, а возвращаться не хотелось. Но Герман не огорчился, что остался без колес. Несмотря на полученные по настоянию Ирины права, он так и не полюбил крутить баранку. И сейчас он с удовольствием доверился профессиональному водителю. Хорошо, сиди себе, наслаждайся видами из окна. Совсем не то же самое, что самому рулить по пробкам и огрызаться на других водил.

Прощаясь с сыном в больнице, Герман получил от Ванечки в подарок рисунок, который тот успел нарисовать, пока врачи занимались оформлением нового пациента. На маленьком столике лежала бумага и цветные карандаши, которыми могли пользоваться юные пациенты, чтобы отвлечься от больничной обстановки.

Герман чмокнул сына в теплую макушку, поблагодарил и сунул рисунок в карман. А сейчас в дороге делать ему было особенно нечего, он достал бумагу и развернул ее.

– Ух ты! – непроизвольно вырвалось у него.

Рисунок не шел ни в какое сравнение с прежними каракулями Вани. Прежде ребенок насилу мог провести прямую линию, все у него получалось криво и косо. А теперь перед глазами Германа были идеально нарисованные прямые прямоугольники – окошки – и треугольная крыша. Рядом с домом росли деревья, гуляли человечки. Картинка была плотно заполнена таким множеством мелких и четко прописанных деталей, что никак не могла быть нарисована Ваней.

– Наверное, кто-то из старших детей нарисовал, – решил Герман. – А Ванечка просто подобрал чужой рисунок и подарил мне. Добрый мой мальчик.

Снова сложив рисунок, Герман взглянул в окно. До Сестрорецка оставалось всего ничего. Скоро они с Меерсоном встретятся лицом к лицу, и все наконец прояснится. О том, что все не только не прояснится, а еще больше запутается, Герман еще не знал. И хорошо, что не знал. Меньше знаешь, крепче спишь.

Глава 4

Запомнить адрес доктора Герману помогла одна маленькая хитрость, которой он научился еще в детстве. Она основывалась на ассоциациях, в подборе которых Герман путем многолетней практики достиг больших успехов. Если называли улицу, он тут же искал в ее названии какую-нибудь зацепку. К примеру, если проспект Энергетиков, запоминать надо было собственную работу. Если Наставников, Герман запоминал школьного трудовика – наставника по трудовому воспитанию. С цифрами было еще легче. Почти каждое число ассоциировалось с какой-нибудь значимой датой.

Господин Меерсон назвал улицу Лиственную, 45, а что может быть легче для запоминания. Лиственная – это лиственница. А 45 – две лучшие оценки, поставленные рядом.

У школы, в которой учился Герман, кстати говоря на одни четверки и пятерки, росло несколько лиственниц, которые каждую осень желтели и теряли свой наряд, а каждую весну заново обрастали листочками, похожими на мягкие иголки. Словом, Герману не составило никакого труда представить себя самого, бегущего к дому мимо лиственниц и размахивающего табелем, в котором стройными колонками теснились четверки и пятерки.

Настроение у Германа улучшилось, так что, выйдя из маршрутного такси, он даже стал напевать старый мотивчик.

– Где эта улица, где этот дом? – мурлыкал он себе под нос. – Где эта девушка, что я влюблен?

И девушки-то никакой нет. С чего он вдруг вспомнил эту песенку? Не иначе встреча с Оксаной так на него подействовала.

Застройка Сестрорецка, как и в большинстве российских городов, до последнего времени велась без четкого разделения на кварталы богатых и бедных. Только в последние годы появились кварталы относительно зажиточных граждан. Правда, почти всегда они все равно оказывались втиснуты между типовой застройкой или находились на таких выселках, что назвать такие районы элитными не поворачивался язык. Бывали случаи, когда под дорогостоящее жилье застраивали природоохранные зоны, откусывали куски от парков и заповедников, но и это выглядело как-то не комильфо. Вроде и круто, а все равно как поселиться на бочке с порохом, фитиль под которой уже горит. Сменится очередной вороватый чиновник, придет на его место новый и сгонят обитателей незаконно занятых земель с насиженного местечка.

Коттедж под номером сорок пять был как раз одним из таких элитных строений. По улице Лиственной он числился номинально, стоял наособицу, отдельно от других домов. Герману пришлось потратить немало сил, чтобы его найти. Зато найдя, он разинул рот.

Хорошо доктор устроился.

Коттедж доктора Меерсона стоял рядом с симпатичной сосновой рощей. Часть ее деревьев попала в границы участка, а еще часть была вырублена, чтобы освободить место для дома. Размерами и стилистикой дом доктора Меерсона отличался от трогательных старых домишек второй половины прошлого века с обязательными мезонинами, застекленными верандами с ажурными переплетами огромных окон и высоким цокольным этажом.

Домики стояли компактно, не бросались в глаза и выглядели так органично, словно сами выросли среди сосен и валунов. Коттедж доктора Меерсона выглядел совершенно иначе. Сплошь из металла и бетона, низкий и приземистый, с какими-то грубыми угрожающими линиями, наверху он заканчивался странной выпуклой крышей, вызывающей в памяти образ НЛО. Чужеродное и абсолютно неуместное строение.

Все это Герман разглядел сквозь щель в воротах, которые, к его удивлению, были приоткрыты. Почему такой беспорядок? Может, хозяева собираются уезжать? Но готовой к отъезду машины во дворе Герман что-то не заметил. Не было видно и суеты, предшествующей сборам.

Во дворе было безлюдно и тихо, лишь птички посвистывали в ветвях деревьев. На миг Герману даже стало как-то не по себе. Но он взял себя в руки и, толкнув створку ворот, проник на чужую территорию.

– Есть кто-нибудь?

Герман произнес эту фразу и тут же зажал себе рот. Зачем он выдает себя? А вдруг Ирина, вопреки уверениям Меерсона, все-таки находится в этом доме? Вдруг она не захочет видеть мужа и опять сбежит? Нет, нужно сперва удостовериться, что его жена здесь или что ее здесь нет, и дальше действовать по обстоятельствам.

– Хорошо устроился этот доктор, – прошептал Герман, оглядывая окружающую его роскошь. – Неужели на полировке физиономий можно столько заработать?

Ему казалось это маловероятным. Будь Меерсон хотя бы владельцем клиники – дело другое. Но он всего лишь наемный работник.

– Откуда же тогда столько денег?

Светлане Александровне как-то раз пришлось в голову освежить дизайн на принадлежащих ей шести сотках. Ей надоели кусты смородины и клубничные грядки, захотелось «красоты». Недолго думая, теща вызвала ландшафтного дизайнера, который пообещал ей превратить участок в райский уголок экономкласса. Искусственный водоем и фонтанчик прилагались бесплатно в качестве бонуса. Теща пришла в восторг. Но когда милый молодой человек подсчитал примерную стоимость работ, приплюсовав материалы, волосы на голове у тещи встали дыбом.

– Сколько? Ты что здесь у меня строить собрался? Стадион? Планетарий?

Молодой человек мигом забыл о своей вежливости и заорал в ответ, требуя неустойку. Состоялось долгое препирательство, которое закончилось в суде. Теще все-таки пришлось оплатить составление сметы, на которую ушла большая часть накопленных на усовершенствование денег. Ушлую Светлану Александровну уел рядовой дизайнер, подсунув ей на подпись предварительный договор, в котором четко оговаривалось, что составление сметы будет бесплатным лишь в случае подтверждения заказа.

Но по крайней мере теперь Герман знал, сколько стоят выложенные плиткой дорожки, устройство альпийской горки и каждый квадратный метр такого безупречного изумрудного газона. Это космические суммы! А уж увидев розарий и стоящую неподалеку голубую ель в два человеческих роста, Герман и вовсе потерял дар речи. Даже крохотная голубая красавица стоила десятки тысяч, а такое взрослое дерево могло потянуть на добрую сотню.

Дверь в дом оказалась открытой. Герман застыл на пороге, не веря в свою удачу. И ворота, и дом нараспашку, словно его ждали!

Герман внимательно прислушался, но ничего не услышал. Похоже, в доме никого нет или эти люди специально затаились. Эх, зря он так в открытую прошел по участку. Надо было по стеночке, тишком, тогда, глядишь, и удалось бы застать обитателей дома врасплох. Никакого смущения вторгшийся на чужую территорию Герман не чувствовал.

А зачем они ворота открытыми оставляют? Сами виноваты! Провоцируют!

Он вошел внутрь, оглядываясь по сторонам. Интерьер ему не понравился, все здесь было чересчур прямое, блестящее, стеклянное, металлическое, пластиковое. Герману такое было не по душе, но в то же время он вынужден был признать, что организация пространства выглядит чрезвычайно стильно и наверняка потребовала немалых финансовых вливаний.

– Сколько же этот гад зашибает у себя в клинике? – спрашивал себя Герман.

Но стоило задуматься о царящей в мире несправедливости, как прямо на голову ему упало что-то пушистое и царапучее. Герман вскрикнул и схватился за голову. И в ту же секунду указательный палец левой руки словно пронзил тысяча иголок.

– А-а-ай! – взвизгнул Герман, тряся пораненной рукой и с ужасом глядя, как по пальцу течет кровь.

А из угла комнаты, куда отлетел пушистый комок, донесся визгливый лай.

Собака! Белый шпиц, который принадлежал Меерсону, бросился на защиту своего дома. Над тем местом, где Герман остановился, как раз нависал балкончик не балкончик, козырек не козырек, какой-то непонятный выступ. Что бы это ни было, собака облюбовала это место в качестве наблюдательного пункта. И увидев чужака, поступила совсем нехарактерным для собак образом. Но как шпиц мог туда попасть? Приглядевшись, Герман понял, что собака прыгала туда с верхних ступенек лестницы.

– Ах ты паразит этакий! – разозлился на собаку Герман. – Кошкой себя вообразил? Совсем спятил, да?

Шпиц в ответ оскалил мелкие зубки, показывая, что готов постоять за себя. Герман слышал о злобном и коварном нраве этих на первый взгляд милых пушистиков, но до сего момента не подозревал, насколько рассказы о хитрости этих собачек правдивы. Укушенный палец зверски болел. Герман уже собирался показать шпицу, где раки зимуют. Но тот, смекнув, что шансы у них неравны, твякнул в последний раз и исчез.

Герман вновь остался в одиночестве. Ему показалось, что он слышит то ли шорох, то ли тихие шаги. Доносились они откуда-то из глубины дома. Он двинулся на звук. Но когда он вошел в большую светлую комнату, противоположная дверь хлопнула, словно только что кто-то выбежал. Герман бросился туда, но неудачи продолжали его преследовать.

Он споткнулся обо что-то, лежащее на ковре, и полетел кувырком. В следующее мгновение он больно ударился плечом, да еще и приложился головой о мраморный пол.

– Дьявол!

Герман почувствовал, как потекла кровь. Поднявшись, он приложил руку ко лбу, чтобы унять кровотечение.

Он еще с улицы обратил внимание, что фронтальная стена дома была полностью стеклянной. Герману это показалось безумием, все равно что жить на базарной площади у всех на виду. Но через стекло Герман мог видеть газон и двор, по которому только что прошел.

Во дворе тем временем кое-что изменилось. К своему удивлению, Герман увидел стройную женскую фигуру, которая быстро-быстро бежала прочь от дома. Встрепенувшись, Герман закричал:

– Ира! Ирка!

Женщина его не услышала. Стекло заглушало звук. Герман забарабанил по стеклу, надеясь привлечь к себе внимание, но женщина не оглянулась и теперь. Герман был уверен, что это его жена. Хотя он не видел ее лица, на этой женщине был приметный белый кожаный плащ, точь-в-точь такой, какой жена купила вопреки всякому здравому смыслу.

Брать белый плащ на весну и осень, когда всюду грязи по колено – самая настоящая глупость. Герман прямо так жене и сказал. Но Ирина в ответ страшно разозлилась, обвинила его в том, что он хочет держать ее в черном теле, и плащ все-таки купила.

И вот теперь Герман видел этот плащ на удирающей из дома женщине. Ему и в голову не пришло, что могут быть два похожих плаща. Он явился сюда именно за женой, и во всякой женщине ему хотелось видеть только Ирину. И потом, он еще не до конца пришел в себя после удара головой об пол и не слишком хорошо соображал.

Так или иначе Герман не собирался упустить беглянку. Он повернулся, чтобы бежать за ней, и замер, не в силах сделать дальше и шагу.

– Вот тебе и на, – растерянно пробормотал он.

Только сейчас внимание Германа привлек к себе предмет, о который он так неудачно споткнулся. Это было мужское тело. Мужчина был в темно-синем костюме, рубашке цвета слоновой кости и галстук, словно собирался отправиться на деловую встречу, но утомился от сборов и прилег отдохнуть.

Одного-единственного короткого взгляда Герману хватило, чтобы понять, что человек этот ему знаком.

– Эге, – пробормотал Герман озадаченно, – что же это хозяин на полу развалился? Собаки сверху прыгают, хозяева на полу валяются. Что за дом!

Он подошел поближе.

– Что с вами?

Герман потрогал доктора Меерсона за плечо, но тот не откликнулся. Глаза у него были закрыты, на лице застыла неестественная улыбка, больше напоминающая оскал. Герман никогда в жизни не видел, чтобы человек так жутко улыбался.

– Эй! – повторил он. – Вы как? В порядке?

Но и без ответа было ясно, что до порядка здесь далеко. Герман предпринял новую попытку привести беднягу в чувство. Видимо, у Меерсона случился обморок или припадок, который застал его врасплох.

– Сейчас-сейчас, – бормотал Герман, – я вам помогу.

Он приподнял Меерсона за подмышки и поволок было к кожаному дивану. И тут он заметил еще одну странность.

Вроде бы ковер был белый. Откуда же эти узоры?

Длинная багровая полоса тянулась от ног Меерсона к пятну, которое располагалось ровнехонько на том месте, где еще совсем недавно лежал сам Меерсон.

– Это что такое?

Герман взглянул на спину доктора, потом потрогал пиджак, и пальцы его мигом окрасились чем-то алым.

– Кровь!

Герман от неожиданности разжал руки. Меерсон тут же рухнул на пол, издав едва слышимый стон.

– Вот черт! – воскликнул Герман. – Доктор-то ранен! Кто же это его, а?

Но тут Герман вспомнил о женщине в белом плаще, и ему сделалось по-настоящему страшно.

– Не может быть! Ирка не могла!

Диким взглядом Герман обвел комнату. Меерсон не такой уж хиляк. Против Германа у него, может, и не было шансов, но против хрупкой Иры? Что же у них здесь происходило, что Ирине пришлось пойти на такое?

То, что пришло в голову Герману, заставило его схватить Меерсона за лацканы пиджака и встряхнуть:

– Ты что, гад, с ней делал?

Меерсон молчал. Герман устыдился своей вспышки и опустил доктора обратно на ковер. В ту же минуту по телу Меерсона пробежали конвульсии, и ревнивый муж понял, что доктор отдал богу душу. Герман был не робкого десятка, но никогда еще у него на руках не умирал человек.

Он заметался. Что делать? Врач здесь уже не поможет. Пульс у Меерсона не прощупывался. Дыхание отсутствовало, в чем Герман убедился, сняв со стены в ванной комнате большое зеркало и приложив его к лицу. Блестящая поверхность ни капли не изменилась.

– Помер. И как мне быть?

Совість подсказывала Герману, что нужно вызывать полицию. Но что он скажет, когда его спросят, как он очутился в этом доме? Что он разыскивает жену? Но следующий вопрос нетрудно угадать, и полицейские его обязательно зададут. А с чего вдруг он стал искать ее именно здесь? Значит, он знал, что между его женой и доктором Меерсоном есть какие-то отношения?

«И что я им скажу? Что явился сюда за женой, а вместо нее нашел труп хозяина дома? Они мне не поверят! Никогда! Ни за что!»

Тут он услышал голоса. Казалось, они раздаются со всех сторон, и Герман заметался еще отчаянней. Сердце билось, как у загнанного зверя. Где спрятаться? Где укрыться? Но спрятаться в гостиной было решительно негде.

Убежать? Через ту же дверь, что и Ирина? Но как? Голоса слышались со всех сторон. И лай шпица – собачонка тоже была с этими людьми.

– Ты его нашел?

– Нет пока.

– Он должен быть дома, ворота открыты, и дом не заперт.

– Машина в гараже, я ее видел.

– Где мы еще не смотрели?

– В гостиной!

– Там я был.

– Тогда в музыкальном салоне.

Еще секунда, и сюда войдут. Взгляд Германа внезапно остановился на белоснежном рояле, который стоял у стены. Недолго думая, Герман ринулся к нему, приподнял крышку, и у него из груди вырвался вздох облегчения. Внутри было пусто. Ни струн, ничего. Рояль был просто деталью интерьера.

Герман проворно залез внутрь и успел опустить над собой крышку, как в комнату вошли. Почти сразу послышались крики. Он понял, что люди обнаружили хозяина дома.

– Что с ним?

– Он не дышит!

– Убит! Он весь в крови.

– Это тот психопат его прикончил. Тот, что утром к нам прибежал. Кто же еще!

– Ах, чуяло мое сердце неладное. Надо было сразу же к Марку кого-нибудь послать. А мы подождать решили, вот и дождались.

Несмотря на опасность быть обнаруженным, Герман приподнял крышку и в ту же минуту встретился взглядом с глазами шпица. Песик сидел напротив рояля и злобно тарасился на него.

– Пошел вон, – шепотом попытался прогнать его Герман. – Я не убивал твоего хозяина, и ты это знаешь. Иди отсюда.

Шпиц не шевельнулся. Он не уходил, но и не лаял. В образовавшуюся щелочку Герман стал рассматривать вошедшую в комнату компанию. Их было всего двое, мужчина и женщина. Охранник и девушка-администратор из «Красоты не для всех». Герман их запомнил. Они явились сюда, встревоженные долгим отсутствием доктора Меерсона.

– Тот тип, который у нас жену свою искал, выглядел совершенно бешеным.

– И все твердил, что его жену увез Марк.

– Что за ерунда! У Марка есть женщина.

– Ревность делает с людьми жуткие вещи. Уверен, этот мужик и убил нашего Марка.

Словно в подтверждение этих слов белый шпиц залаял. Он запрыгивал на рояль, рычал, визжал, и Герману пришлось поспешно опустить крышку.

– Что этот пес хочет?

– Максик тоже переживает, – заступилась за собаку девушка. – Он был так привязан к Марку.

– Нет, это я понимаю. Но почему он кидается на рояль?

– Надо вызвать полицию.

Германа охватил ужас. Сидя в пустом нутре фальшивого рояля, он живо представил себе, как приезжает полиция, охранник и его приятельница рассказывают о его безобразной утренней выходке. Противный Максик, конечно, не преминет залиться лаем. Полицейские решат взглянуть, что так раздражает пса, откроют крышку – и...

Дальше фантазия Германа услужливо подсказывала, как ему надевают наручники и везут в КПЗ, как потом его долго допрашивают тупые следователи, которые не хотят понимать ничего, кроме одного: он прятался в доме убитого и у него был мотив его убить.

– Рита, что же нам делать?

– Не знаю, Сема, – слабым голосом прошептала девушка. – Мне что-то нехорошо стало.

– Еще бы! Небось в первый раз трупешник-то видишь?

– В первый, – призналась девушка. – Как здесь душно.

– Скорей уж холодно.

– Дышать нечем. Проводи меня, пожалуйста, на воздух.

Охраннику и самому хотелось отсюда уйти, поэтому он без лишних слов вывел девушку из комнаты. А перепуганный Герман выбрался из рояля и поскорей выбежал в другую дверь. Вдалеке послышался звук полицейской сирены, и Герману со страху показалось, что это уже мчится полиция в дом Меерсона.

– Они меня посадят! – бормотал он на бегу. – Как пить дать посадят! Что же делать?

В тюрьму ему отчаянно не хотелось. А хотелось удрать как можно дальше и сделать вид, что ничего этого и в помине не было.

Но произошедшее произвело на Германа куда более сильное впечатление, чем он готов был признаться самому себе. К тому же в деле была замешана Ирина. А жену, пусть даже вредную, Герман любил и не хотел, чтобы Ира попала в беду. А еще его жгло любопытство. Кто мог убить Меерсона? На ум снова приходила Ирина. Ее плащ Герман ни много ни мало видел из окна. Но эту мысль он гнал от себя изо всех сил. Нет, Ирина не может оказаться преступницей.

Отбежав от дома Меерсона на достаточное расстояние, Герман возблагодарил небеса, что так и не полюбил водить машину. Ее бы наверняка заметили охранник с девушкой и сообщили приметы полиции. Машина – это улика. Даже если ему удалось бы сейчас скрыться, потом ее бы обязательно нашли. И как бы он тогда объяснил свой визит?

Пройдя еще немного, Герман увидел полицейскую машину, подъезжающую к дому Меерсона.

«Как быстро, однако, прикатили!» – поразился он.

Бедолага увидел, как из машины вышли сотрудники и поспешили к дому. Герман не стал дожидаться, пока они обратят внимание на него и потрусил по улице дальше. Подумать страшно, что бы с ним было, задержись он в доме еще хоть немного!

Пока Герман ехал до Питера, ему в голову пришла еще одна мысль. Алиби! Если у него будет алиби на время смерти Меерсона, ни один следователь ему не будет страшен. Но кто обеспечит ему это алиби? Теща? Нет, она ненадежный человек. Герману иногда казалось, что теща только и мечтает, чтобы он исчез из жизни Ирины. А здесь такой шанс.

Оставался отец. Но старик был не в том состоянии, чтобы Герман мог позволить следователям терзать его. У отца постоянно скакало давление, и лишнее волнение было ему совсем ни к чему.

Друзья? Но таких друзей, которые готовы были бы ради него и в огонь, и в воду, Герман припомнить не мог, сколько ни старался. Вроде бы и много было приятелей, но когда он представлял себе, как просит кого-то из них обеспечить ему алиби, понимал – это затея пустая. Никто не захочет ради него вписываться в криминальную историю. А если и захочет, потом потребует от Германа такого вознаграждения, что легче уж сразу в тюрьму сесть.

И зачем он с этими сунсами дружил столько лет? Только время зря потерял.

Но самое худшее поджидало его впереди. Подходя к дому, он внезапно понял, что домой идти не может. Если те двое – охранник и девица, которых Герман видел в доме Меерсона, –

рассказали полиции о своих подозрениях, Германа уже ищут. А где его будут искать первым делом? Ответ очевиден. Дома.

Со страху Герман даже не подумал, откуда им знать его имя? Для них он просто ревнивый муж с задатками психопата. С другой стороны, в клинике полно камер. Физиономию Германа обязательно засняли. Его объявят в розыск, а Герман слышал, что уже существует спутниковая система, которая по лицу может опознать каждого в любой точке земного шара, стоит человеку лишь высунуть нос на улицу. Например, Усаму бен Ладена именно так ЦРУ и вычислило.

Конечно, Герман – это не Усама. Но ведь и со смерти Усамы прошло уже несколько лет. За это время систему могли усовершенствовать настолько, что уже никто не застрахован от тотальной слежки. Герман поскорее опустил лицо, стараясь не смотреть ни вправо, ни влево.

«Куда же мне спрятаться? Выходит, что некуда?»

И тут Герман вспомнил об Оксане. И вопреки всякой логике подумал, что уж Оксана-то ему обязательно поможет.

– Она меня знает. Знает, что я и мухи не обижу. И знает, что Ирка от меня сбежала. Перед ней мне таиться нечего.

Но что бы ни говорил себе Герман, дело было совсем в другом. Просто дни, которые он провел на улице Счастливой в маленькой квартирке Оксаны, были и впрямь самыми счастливыми в его жизни. Теперь он знал это абсолютно точно. И ему снова хотелось вернуться в то время.

Глава 5

Но если Герман воображал, что Оксана встретит его с распростертыми объятиями, действительность жестоко его разочаровала. Оксана дверь ему хотя и открыла, но своего неудовольствия не скрывала:

- Снова ты! – воскликнула она. – И чего приперся?
- Не нужен? Могу уйти.
- Вот и уходи.

Голос Оксаны прозвучал насмешливо. Она явно чувствовала, что раз уж Герман снова к ней пришел, то никуда не уйдет.

- Так я войду?
- Ко мне вообще-то скоро должен друг прийти, – сказала Оксана.

При этих словах Герман почувствовал укол ревности. С какой стати? Они с Оксаной давно расстались, причем по обоюдному согласию. Но вот тебе, пожалуйста, стоило Оксане обмолвиться о другом мужчине, как Герман сразу же воспринял его как соперника.

- Кто это к тебе заявится?
- Не твое дело!
- Нет, мое! Я хочу знать, с кем ты связалась. Вдруг это какой-то мошенник или того хуже!
- Не беспокойся, он отличный парень.
- Я должен сам в этом убедиться.

С этими словами Герман отстранил попятившуюся Оксану и вошел в квартиру. Как ни странно, Оксана не стала протестовать. Она пошла следом за Германом на кухню и там спросила:

- И как предлагаешь представить тебя Алеше?
- Скажи, что я твой брат.
- Брат?
- Да, двоюродный брат, приехал из Актюбинска погостить на пару недель.
- Так ты у меня еще и жить собираешься?
- Очень тебя прошу! Нельзя мне сейчас домой! – взмолился Герман.
- Слушай, кузен, а почему бы тебе в таком случае не отправиться в гостиницу?
- И в гостиницу мне нельзя. Там паспорт нужно показывать.
- А у тебя его нет, что ли?
- Пока есть. Но светиться с ним я нигде не могу.
- Объясни!

Оксана смотрела на Германа требовательно. Да он и сам понимал, что другого выхода у него нет, кроме как рассказать Оксане все начистоту.

Та выслушала рассказ Германа очень внимательно, а потом спросила:

– Одного не пойму, с чего ты решил, что полицейские так скоро на тебя выйдут? Разве ты в этой «Красоте не для всех» называл свое имя? Или давал медикам свои координаты? Телефон? Домашний адрес? Почту?

– Нет. Ничего такого. Зато я во всеуслышание орал в этой клинике угрозы в адрес Меерсона.

– Это ты, конечно, зря, – осудила его Оксана. – Я всегда тебе говорила, сначала подумай, а потом уже глотку начинай драть.

– А как мне нужно было поступить? Этот гад увез мою Ирку!

– Да, кстати, об Ирке. Ты выяснил, кто эта дрянь, которая прислала ей на почту видео с целующей тебя Надюшей?

Про видео Герман совсем забыл. До него ли ему сейчас было? Он так и сказал Оксане, но та осуждающе покачала головой:

– Убийство – убийством. Но началось все с того злополучного ролика. Он буквально поразил Иру. Когда она рассказывала мне о твоей измене, ее так и трясло от обиды. А ведь с того момента, как она получила видео, прошло уже почти две недели.

– При чем тут видео?

– Как сказать, ведь, не будь этого видео, Ира бы, может, и не спуталась с этим Почтаревым. В его сторону даже бы не посмотрела. А так ей захотелось тебе отомстить. Вполне понятное желание, любой бы на ее месте захотелось.

Герман издал жалобный стон. Что за невезуха сегодня? Ведь про Почтарева-то он так ничего и не узнал. Ехал к Меерсону, чтобы потолковать с ним про мужчину, и что вышло?

– Я жалкий неудачник!

Услышав это, Оксана жутко рассердилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.